



ПЕДАГОГИКА
О. А. КАЗАНСКИЙ
КАК ЛЮБОВЬ



Автор — Олег Анатольевич Казанский, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий лабораторией педагогики, проректор по научной работе Липецкого государственного педагогического института.

Рецензенты:

Новиков А. М., доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО.

Редактор: Андоньева И. В.

Отв. за выпуск: Дмитриев А. Е.

Рекомендовано к изданию Министерством образования Российской Федерации.

Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений и учителей, посвящено исследованию преобразований личности и развитию взаимоотношений «учитель-ученик».

Обложка и иллюстрации выполнены детьми изостудии «Умница» детского сада № 67 г. Санкт-Петербурга под руководством С. М. Ветровой и Л. А. Уваровой.

Педагогика как любовь — Юлия Маринушкина, 6 лет.

Счастье — Юлия Сахарова, 6 лет

Любовь — Настя Сквозникова, 6 лет

Творчество — Аня Рябых, 6 лет

Рабство — Максим Метраков, 6 лет

Зло — Даша Камынина, 5 лет

Страх. Педагогическая деятельность — Глеб Купрюхин, 5 лет



СТУДЕНТЫ ОБ АВТОРЕ

*А знаете ли Вы, чему учат в современной школе?
Уверены — знаете!
Но знаете ли Вы, чему можно учить
в современной школе?*

*И не удивляйтесь, пожалуйста!
Оказывается, можно учить любить!
Любить в другом ученика и учителя...
Любить в себе учителя и ученика...*

Автор, написавший ранее книги:

«Культура педагогического общения», «Педагогика общения», «Основы педагогической деятельности», «Игры в самих себя» и др. предлагает нам побороть в себе Страх, Рабство, Зло.

Возможно, человек, имеющий огромный опыт практической работы в школе и вузе (был учителем, директором школы, деканом, заведующим кафедрой, стал проректором по научной работе), имеет на это право.

ISBN 5-86825-009-5

© О. А. Казанский

© Российское педагогическое
агентство, 1995 г.

Памяти мамы
Марии Михайловны
Мартыненко,
учителя школы

В МЕСТО ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ

Я не думал писать книгу о любви. Тем более как пособие по педагогике. Но чем больше я продолжал работать в педагогическом институте, школе, тем больше я понимал, что дело не в методике преподавания (хотя в ней тоже что-то есть и немало), не в принципах и методах воспитания и обучения, а дело в самом человеке, который приходит на урок. А на урок приходят минимум два человека — учитель и ученик. И хотя бы один из них обязательно должен ощущать себя Человеком. Для меня Человек — это всегда было понятно — тот, кто любит, и тот, кого любят. И, сколько бы мы ни говорили и ни дискутировали, если я понимаю, что любовь — это необходимость в другом человеке, то...

Здравствуй, Человек!
Здравствуй, Педагог!

Это я знал. Но вдруг (а это всегда вдруг, хотя всю жизнь и готовишься) я стал терять своих друзей — одного, другого, третьего... — их путь земной закончился. И понял я, что меня становится все меньше и меньше — я убываю. И тогда я понял еще: чтобы продержаться еще чуть-чуть на этой земле, мне необходима ЛЮБОВЬ. А она у меня есть! Я понял, вернее, почувствовал, что я нужен, я необходим, другим без меня будет плохо. И я должен! Обязан им что-то сказать, сделать — со-стояться И тогда я подумал об этой книге — может быть, она даст возможность чуть-чуть задержаться с ними. Но когда я стал ее писать, то понял, что это не только мои мысли, это мысли и других людей. Но они мои (так появились «Заметки на полях»), и мои мысли могут стать для кого-то своими. Это и заставило меня вперемежку с суетой сесть и написать тем, кто ушел, и тому, кого я люблю...

О. А. Казанский.



ЛЮБОВЬ



Частя СКВОЗНИКОВА, 6 лет.

И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы.

Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится.

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,

Не радуется неправде, а сорадуется истине;

Все покрывает, всему верит, всему надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

1 Кор, 13, 3—8.

Все начинается с любви...

И когда человек рождается, врачи, которые его приняли, облегченно вздыхают и говорят: «Ну вот, и слава Богу!» — и устало улыбаются. А женщина, которая стала матерью, сквозь боль, сквозь слезы, сквозь ожидание, тоже пытается улыбаться. «Вот и все», — говорят врачи. «Нет, — качает она головой, — нет, это только начало». Начало новой жизни. Начало нового человека.

Все начинается с любви...

И когда человек появляется на свет, первое, с чем он сталкивается, это — любовь.

Первое Купание. И все вокруг этого маленького комочка жизни хлопчут, суетятся, возятся, устанавливают ванну: сюда — не сюда, наполняют ее водой, что-то туда добавляют, пробуют термометром, опускают локоток — горячая вода или нет... А потом бережно берут ребенка... Первое Омовение. И все волнуется, но улыбаются. Улыбка взрослых. Та самая улыбка, которой встречают пришедшего на эту землю человека.

Все начинается с любви...

И именно любовь является сутью человека, его существованием. Это и самоотверженность, и отчаяние, это боль разлуки и нежность встречи, это радость за человека. И это, и это, и это... Все, что делает человека человеком. Весь человек — в боли и радости.

Маленький человечек плачет: у него плачет все — его ручки, его ножки, его голова, его тельце — все его существо. А когда ребенок смеется, у него смеется все: и ручки, и ножки, и голова, и тельце. Некоторые просто катаются от хохота — и здесь тоже все существо.

Это мы, взрослые, уже научились все разделять: я могу думать обо одном, чувствовать другое, говорить третье, а делать (или не делать) четвертое. Руки у меня живут сами по себе, ноги сами по себе, и голова — тоже. И мы умеем здороваться и «держаться в кармане», мы умудряемся «любить» (если это называется любовью) левым глазом и правой рукой, а не существом. А любовь требует всего человека...

Мы приходим в этот мир по одному и уходим по одному. Человек обречен на одиночество — рождением и смертью. Но вот в этом самом промежутке — между одной радостной и другой печальной минутами — ему требуется, как минимум, еще один человек. Потому что, кроме тела, у него существует душа. А вот с душой всегда сложно...

У Нодара Думбадзе в «Законе вечности» сказано, что тело, каких бы размеров оно ни было, человек в состоянии носить сам. А вот чтобы он выпрямился, нужен еще кто-нибудь, кто поднимет его душу. И с самого начала у человека появляется потребность в другом человеке, потому что от этого зависит его счастье. Ведь стать счастливым ему должен помочь другой. А вот несчастливцами, мне кажется, люди делают себя сами. И тогда уж ни к кому никаких претензий предъявлять не следует.

В принципе педагогика — это та самая наука, которая исследует, анализирует, ставит вопросы о том, как помочь человеку «поднять» его душу, чтобы человек «выпрямился». И пусть душа — это нечто эфемерное, то, что не подлежит расшифровке (и, наверное, слава Богу), то, что в последнее время обращает на себя особое внимание, в результате чего появляются красивые названия — «аура», «карма» и т.д. Именно педагогика определяет средства, методы, те самые механизмы, которые позволяют сделать человека счастливым, помочь ему обрести себя, стать творческой личностью. Все это очень важно. Важно потому, что мы в ответе за самих себя. Но этого мало — мы в ответе за других. И если я человек, и если я педагог, то вся моя педагогическая деятельность основывается не только на том, чтобы дать знания, умения, навыки, но, самое важное,

на том, как помочь маленькому человеку превратиться в Человека с большой Душой. В ВЕЛИКО-душного человека.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Когда я просто на тебя смотрю,
то за тебя судьбу благодарю.

Когда твоя рука в моей руке,
то все плохое где-то вдалеке.

Когда щекой к твоей я прислонюсь,
то ничего на свете не боюсь.

Когда я глажу волосы твои,
то сердце замирает от любви.

Когда гляжу в счастливые глаза,
то на моих от нежности слеза.

Как то, что чувствую, пересказать?
Ты мне жена, сестра, подруга, мать.

Не существует безупречных слов,
что могут передать мою любовь.

И оттого, что рядом ты со мной,
я добрый, я хороший, я живой.

Стих этот старомоден, неказист
и слишком прост, но искренен и чист,

с улыбкой светлой на тебя смотрю,
и жизнь, что вместе мы, благодарю.

Эльдар Рязанов

Любовь — это отношение к другим и с другими, сколько бы ни говорили о том, что любящий человек — это человек, который прежде всего любит себя. В этом есть правда. Но «роман с самим собой» — это только начало, необходимое для любви к другому, потому что, когда человек любит себя, пользуется взаимностью и не имеет соперников в этой любви, это, знаете, довольно грустная история, хотя и часто встречающаяся. Любить — это «выйти за пределы самого себя» и помочь человеку совершить то же, то есть стать другим. Увидеть в другом том, что в нем никто до тебя не видел. Удивиться, обрадоваться... И вдруг почувствовать свое несовершенство перед другим:

— Это я люблю такого человека?

— Это меня любит такой человек?

И всю свою неловкость, тщетность, несовершенство хочется куда-то спрятать подальше, внутрь, чтобы, не дай Бог, это мог обнаружить, ощутить тот... И тогда...тогда же все рухнет, все кончится. И ни звонка, и ни встречи. Ничего нет. Нет. Нет. Нет. И снова один... Да... Начало любви — это как экзамены, и сдаст их каждый друг другу. И самое страшное, что их можно завалить, но это не студенческая сессия, и пересдать их вряд ли будет возможно. Вот почему в любви необходимо заботиться о духе (о душе и о духовности) и проявлять интерес к самому себе, чтобы созрела и появилась нежность, бережность, забота, ответственность и давно забытое милосердие и почтение к другому,

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Двери в отношения открываются на себя.

(То, что всем известно).

перспективу отношений, на душевную близость. **ДОВЕРЯЕТ НАСТОЯЩЕМУ**, потому что очень важно принять себя именно таким, на взлете, на пределе душевных сил:

— НУ, ПОНИМАЕШЬ, это Я!

(Из разговора с самим собой).

И здесь проявляется удивительная уникальная способность человека относиться к самому к себе, как к другому, и тот, кто любит меня действительно, помогает открыть во мне **МЕНЯ**, лучшего. А как прекрасно сказать другому:

— Ты мне нужен. Я без тебя не могу.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Любить тебя,
Пусть нелюбимым
Быть тобою,
Вот мой
Единственный завет.
Все остальное —
Суета сует.
Все остальное
Я сдаю без бою.

Александр Зиновьев

И в этом «театре» любви есть премьера, есть провалы, есть блеск прожекторов и закулисная жизнь... И мы ходим по городу, заходим во все магазины (а какая разница, куда идти?), в театры, кинотеатры, в гости, в гости, в гости, и не важно к кому, просто хочется быть вместе.

— Вы нас видели вместе?

— Вы видели, как нам хорошо вместе?

— Вы видите, как мы подходим друг другу?... Да ладно вам...

И только потом, когда мы устали от всего и от всех, вдруг оказываемся вдвоем. И это становится необыкновенным, хотя,

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Слава:

чтобы обо мне говорили.

Добрая слава:

чтобы обо мне не говорили — плохого.

Марина Цветаева

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

«Чем больше я узнаю человека, тем больше я люблю свою собаку», — говорил дурак.

«Чем больше я узнаю человека, тем больше я его люблю», — говорила собака.

«Чем больше я узнаю, тем больше я люблю», — говорил человек.

Жан Марсенал

оно и приводит к любви.

...И конфликты с окружающими людьми уходят как-то сами по себе, для тебя существуют только компромиссы, ты на все согласен, лишь бы не ругались. Это непонятно: любить и браниться.

— Да, мама, я пришла очень поздно. Извини, что заставила волноваться.

— Конечно, он мне не пара, и ты права. Но, главное, ты успокойся...

— И ты, учитель, милый человек, ты тоже успокойся. Я, правда, очень огорчен, что ты мне поставил двойку. Но пусть для меня это будет самая большая беда в жизни. Учитель, я влюбился, ты понимаешь это?... А я тебя понимаю. И нисколько не обижаюсь, потому что ты прав: мне сейчас до учебы никакого нет дела...

— Я люблю, слышите? И очень хочется, чтобы все себя чувствовали влюбленными, — упреки, попреки, конфликты уходили бы куда-нибудь подальше. И я улыбаюсь (это на уроках-то), и я смеюсь, потому что смех — это радость, а юмор — это

вершина интеллекта, и все серьезное остается серьезным. Но какое это приятное состояние, когда мы спокойны, и когда мы улыбаемся, и тогда любовь рождает СЧАСТЬЕ. Если раньше я был один и все должно было вращаться вокруг меня (а как же — эгоцентризм!), — я сам определял свои взгляды на жизнь,

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Я
↓
Я из...
↓
Я с...
↓
Я для...
↓
МЫ

выбирал себе настроение по ситуации, — то, когда появился человек, который мне понравился, я ПОНРАВИЛСЯ САМ СЕБЕ еще больше, особенно то, как я могу его любить и каким я могу быть. А потом, когда я действительно понял и почувствовал, что такое любовь, я совершенно спокойно попрощался со своим эгоизмом и начал все больше и дольше думать о другом. Я начал беспокоиться, чтобы что-нибудь с ним не случилось. Что же тогда будет с НАМИ? И очень захо-

телось заботиться, опекать, радеть, проявлять «обнадеживающее сочувствие», поддержку, утешить его, предотвратить неприятности, защитить его от напасти, уберечь от страха и себя, и его:

«Ведь
теперь тебе ничего
Не страшно? Да?!», —

потому что именно любовь и способна преодолевать страх, который так глубоко сидит в нас.

Я говорил ей:
Не мешайте мне,
Я занят важным делом,
Я влюбляюсь.

Я говорил ей:
Не отвлекайте меня,
Мне нужно сосредоточиться —
Я же влюбляюсь.

Я говорил ей:
Подождите немного,
Мне некогда,
Я же влюбляюсь в вас.

Мне надо здорово
В вас влюбиться.

— Ну и как? — спрашивала она. —
Получается?

— Ничего, — отвечал я. —
Все идет как по маслу.

— Ну и что? — спрашивала она. —
Уже скоро?

— Да, да, — отвечал я. —
Только не торопите меня.

— Ну скорее же, скорее, — просила она. —
Мне надоело ждать.

— Потерпите еще немножко, — говорил я, —
Куда вам спешить?

— Ну почему же так долго? — возмущалась она. —
Так ужасно долго?

— Потому что это навсегда, — говорил я. —
Потому что это навеки.

— Ну, теперь-то уже готово? — спрашивала она.
— Сколько можно тянуть?

— Да, уже готово, — сказал я
И поглядел на нее
Влюбленными глазами.

— Не глядите на меня так, —
Сказала она. — Вы что,
С ума сошли?

Геннадий Алексеев

Любовь — это процесс, то есть смена состояний, и чтобы подняться до любви, возможно, следует пройти несколько стадий:

- привлечь внимание к себе;
- заинтересовать собой;
- увлечь собой;
- прийти к сотрудничеству;

то есть подняться по нескольким ступенькам отношений. Итак, начнем по порядку...

I. Привлечь внимание, то есть расположить к себе. А для этого необходимы:

- дружелюбный настрой;
- душевная удовлетворенность;
- искренность;
- тактичность;
- удобная практичная одежда, желательно теплых тонов;
- приятный четкий голос;
- спокойствие и уверенность в себе;
- улыбка, улыбка, еще раз улыбка;
- приветливое выражение лица.

Первое впечатление (потом оно может быть скорректировано), как правило, бывает стойким и долго влияет на характер общения, будучи или верным или ошибочным. Эффект первого впечатления — эффект внезапности, стремительного развития чувств.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Когда я впервые тебя встретил,
Твое лицо неожиданным было —
Как молнии вспышка,
Но теперь, когда столько раз
Я видел его,
Онó стало совсем привычным,
Как солнце.

Александр Живноватов

2. Подход к объекту, привлечение к себе его внимания.
3. Зондирование души объекта щупальцами глаз.
4. Передача своих видений объекту с помощью лучей испускания, голоса, слов, интонации, приспособлений; желание и попытки заставить объект не только слушать, понять, но и уметь увидеть внутренним зрением, что и как видит передаваемое сам общающийся субъект.
5. Отклик объекта и обоюдный обмен лучей испускания и лучевосприятия душевных токов.

Для того чтобы возник отклик, контакт, чтобы появилась готовность к диалогу, Константин Сергеевич Станиславский на примере работы актера установил 5 стадий органического общения:

1. Выход артиста на сцену...
Рассматривание всех присутствующих. Ориентирование и выбор объекта.

II. Заинтересовать собой. И вот здесь нужны наши достоинства. Человек пришел на эту землю демонстрировать свои достоинства, то самое лучшее, что выражает его сущность, что выпрямляет его, делает непохожим на других, ощутить себя в себе и предъявить себя для других. Людям нравится ощущать свою собственную значимость. В детстве ребенок от всей души хочет понравиться нам, все делая «по-честному» (на пределе сил). Он пытается обратить на себя внимание, чтобы мы могли его заметить и похвалить, и нет для него высшего счастья, чем быть отмеченным нашей похвалой:

«Вот — Я».
Вот Я какой хороший».

А как мы хотели в школе в первом классе быть «санитаром» или ответственным за поливание цветов. Как хочется БЫТЬ! Осуществиться через свои достоинства, а потом, потом нас учат замечать недостатки, и свои, и чужие. И начинаются замечания, которые сводятся в педагогике к одному: ты не показывай свое плохое, а показывай мое хорошее. Но кто сказал, что мое плохое, учитель, хуже вашего хорошего? Оно же ваше. Пусть даже хорошее, но ваше. А для того чтобы я стал хорошим, я должен научиться думать о себе в положительном плане. Я должен, прежде всего, стать самим собой. Но что это значит, я еще не знаю. Учитель, помоги мне в этом.

С чего начинается ощущение своих достоинств? Да с уважения самого себя. Все, что возвышает человека над самим собой, и есть уважение (к самоуважению мы еще вернемся, но чуть позже). Но и неприятие того, что унижает человека в себе и в других, — это тоже уважение самого себя. Недостатки, неудачи — это то, что опустошает, ущемляет человека, то, что Гегель называл «сферой случайного, представляющей собой» род дурной бесконечности».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Я боюсь быть хуже самого себя и подставить под удар других.

*Из сочинения
Дениса Павловского
(10 класс)*

Ощущение своих достоинств и есть чувство собственного достоинства, которое дает уверенность в себе, в своем деле. Это не значит нравиться самому себе, тем более это не значит всем понравиться. Мои достоинства — это я, а «лучшая

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Хорошая игра на скрипке невыносима, отличная игра едва терпима. Чтобы скрипку можно было слушать, на ней нужно играть виртуозно.

Фриц Крейслер

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и бурями судьбы.

Александр Пушкин

Странно... Уверенность создает успех. А успех — это победа. А победа, мне думается, это всегда новое рождение. Неудача — маленькая, но смерть, а успех — рождение.

У учителя нет выбора — ОН обречен на УСПЕХ в работе выбором своей профессии. Это потом он может задуматься: «Как же все это получилось?» И не надо провинциальной скромности — ой, да где уж нам-то уж... Да у нас и так все нормально. Нам и так хорошо...

ВОПРОСЫ К САМОМУ СЕБЕ:

1. Какие из разнообразия моих достоинств определяют индивидуальность моей личности, мою непохожесть на других?

2. Какие качества я хочу сохранить и развить в себе?

3. Что я умею делать особенно хорошо?

Это своеобразный тренинг на обретение уверенности в общении, потому что уверенность есть следствие самопознания и самоактуализации. И здесь опять речь идет о любви, которая и создает внутреннюю гармонию.

религия, — как сказал один юморист, — это вера в самого себя».

Когда смотришь телевизионную передачу «Лучшие игры НБА», поражаешься профессиональной уверенности баскетболистов. Мяч летит в корзину, а игрок даже не следит за его движением: попал — не попал?

Попал! Это норма. А если не попал — случайность, которую можно исправить.

И сразу же обращаешь внимание, как играют непрофессионалы. Вместо уверенности — страх: попаду — не попаду. Попал...

Надо просто быть. Быть уверенным в себе. Рассказывают, как Л. Д. Ландау ходил по Невскому проспекту в немыслимого цвета пиджаке, в шляпе, к которой были привязаны воздушные шары, чтобы преодолеть свою неловкость и неуверенность.

А боссы крупнейших компаний Японии, распеваящие во весь голос песни на самых модных станциях метро...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Когда стоишь ты рядом,
я богатею сердцем,
я делаюсь добрей
для всех людей на свете,
я вижу днем —
на небе синем — звезды,
мне жаль ногой
коснуться листьев желтых,
я становлюсь, как воздух,
светлее и нарядней.
А ты стоишь и смотришь,
и я совсем не знаю:
ты любишь или нет.

Ксения Некрасова

посмотреть на мир глазами и Анны Карениной, и князя Мышкина, и дяди Вани...

У Л. Н. Толстого есть фраза: «Любить человека — это относиться к нему как к чужому, но еще и любить». Дайте же другому быть другим! Но как нам хочется, чтобы все были, как

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ: МЫ.

У армян принято говорить дорогому человеку:
— Цавт танэм (унесу твою боль).

что я должен быть для себя и для них новым, и они тоже должны изменяться — у нас разные ценности и разные позиции. Если педагогическую деятельность рассматривать как процесс совместной деятельности учителя и ученика, то необходимо выделить и деятельность учителя, и деятельность ученика. Это можно схематизировать следующим образом:

Деятельность учителя:

потребности — мотивы — цели — задачи — методы — действия — результат — контроль — оценка;

Деятельность ученика:

потребности — мотивы — цели — задачи — методы действия — результат — контроль — оценка.

Любовь снимает тревожность и дает ощущение безопасности. И любовь заставляет тебя тревожиться за другого. И то, и другое неразделимо потому, что уже нет просто меня и нет тебя, а есть МЫ.

III. Увлечь собой. Увлечь собой — это значит понять и почувствовать другого. Значит смотреть на мир не только своими глазами, но и глазами других людей. Кстати, в этом нам очень помогает искусство. Именно оно дает нам возможность прожить множество разнообразных жизней, чтобы мы могли

Возникающую при этом ситуацию несовпадения можно рассматривать как заведомо противоречивую, поскольку у них все разное. И задача учителя — не избегать конфликта, а перевести в коммунальный (ситуативный) конфликт в содержательный, выявляя все аспекты противоречий.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Не знаю, что больше объединяет людей — сходство или именно различие? Одного я люблю за то, что он похож на меня, а другого за то, что он не поход... Я заметил, что только глупые люди хотят, чтобы все были одинаковые...

Я. Корчак

Деятельность учителя и ученика в процессе обучения имеет различное содержание: преобразовательная деятельность учителя, который как субъект данной деятельности должен удовлетворить потребности в достижении результата и в сотрудничестве, и познавательная деятельность ученика, который как субъект должен удовлетворять потребности в информации и поисковой активности. (Мы выделяем приоритетные виды деятельности). Управление процессом педагогической деятельности и заключается в гармонизации различных целей и способов деятельности.

Увлечь собой для учителя — это, прежде всего, приобщить учеников к своему опыту и ценностям, ввести другого в новую организацию жизнедеятельности и мышления, то есть «развернуть себя» (как ситуацию), чтобы другие (дети) попали в своеобразную зону новых ролей, отношений, ценностей. Задачи учителя — приблизить детей к себе. Для этого надо либо самому идти к ним, либо их пригласить к себе. Мне кажется, лучше второе — я пригласил их к себе, чтобы показать им, что они могут быть другими, не лучше и не хуже, а другими; тем самым образовать у них новое представление о самих себе.

Уметь смотреть на мир глазами других людей, исследовать точку зрения других — это же и есть изменение себя. Не изменение себе, а способность понять, почувствовать другого и помочь ему.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Чем больше слушал я учителей, тем больше Я хотел быть самим собою.

Е. Винокуров

К сожалению, очень часто в общении мы идем от себя к себе, а хотелось бы — от другого к другому через себя.

Увлечь собой — это умение слушать и слышать другого. Один мой студент на вопрос, почему он выбрал

профессию учителя, сказал: «Мне кажется, урок — это единственное место, где меня будут слушать не перебивая».

Умение слушать — это значит:

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

«У каждого человека есть сердце, у каждого сердца есть свои склонности. Он считает это хорошим, я — дурным. Я считаю это хорошим, он — дурным. Но я вовсе не обязательно мудрец, а он вовсе не обязательно неумен. Оба мы только обыкновенные люди».

*Принц Сетокх,
VII век*

— я готов вас выслушать не перебивая;

— у меня есть для вас время, столько, сколько вам потребуется;

— мне действительно интересно (без лицемерия) то, о чем вы говорите, и нет ничего другого, что меня может от вас отвлечь;

— я способен слышать вас, то есть замечать вашу интонацию, выражение лица, позу, ваши жесты;

— если мне что-то непонятно, то простите, но не могли бы вы уточ-

нить, правильно ли я вас понял?;

— извините, для меня не совсем приемлема ваша точка зрения, но она ваша, и я стараюсь спокойно реагировать, не выставляя заведомо оценку, а наоборот, хочу разобраться в нашей позиции;

— я очень хочу услышать (не то, что Я хочу услышать) то, что поможет мне развить, расширить, скорректировать свою позицию;

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

«Ты слушай меня, а не слова мои».

(Какой-то очень умный человек)

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

У всякой беседы есть только три темы: я — это я, вы — это вы, все прочее — это чужое.

Стивенсон

— я не стараюсь ловить вас на слове («цепляться») — мне важно все, о чем вы говорите;

— мне приятно, что вы со мной разговариваете, но я понимаю, что дело тут в не в том, кто из нас умнее, просто я, наверное, знаю, чем и как вам можно помочь. При этом я хорошо помню, что каждому из нас приятно ощущать собственную значимость.

Речевая выразительность человека — это один из способов увлечь собой. Интересная лекция, интересный урок — ЭТО интересный человек. Это личностная интерпретация

множества жизненных (и не только житейских) ситуаций. Известно, что на человека воздействует личность, а не слова. Слова — это «связной» между людьми. Когда мы разговариваем, то обмениваемся друг с другом своим отношением, своим видением, переживанием своих мыслей, чувств, то есть различными

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Чтобы ты мог свою речь
От ошибок сберечь,
О пяти вещах помни всегда:
Кому говоришь,
О ком говоришь,
И как, и где, и когда ...

(И я добавил бы —
зачем).

картинами мира. Вот почему учителю важно привести в порядок «материал» для общения, уточнить свое отношение к нему. Надо знать, о чем ты рассказываешь и кому, поскольку нельзя рассказывать вообще — никому (всем). И нельзя убеждать в о - о б щ е (всех), потому что, когда человек говорит, он совершает речевой поступок, а это значит, что вы

обязываете других к каким-то действиям: вопрос — к ответу, восклицание — к сочувствию, одобрению, повествование — к вниманию, к восприятию информации и т.д.

Известный актер и режиссер Л. В. Вивьен, рассматривая принципы актерской игры, выделил небезынтересные и педагогу моменты, определяющие организацию общения:

Кто — образ, характер, персонаж, от имени которого я выступаю;

Кому — объект, с кем я вступаю в общение (кому говорю — себе, ему и т.д.);

Зачем — цель, для чего я так поступаю, так говорю;

Почему — причина действия, повод поведения;

Что — поступок;

Как — исполнительные приемы, приспособления, формы.

Учитель постоянно находится в ситуации общения, поэтому ему необходимо знать некоторые приемы устного выступления:

— *профессиональная компетентность*: научность, глубина и убедительность изложения, логичность, последовательность;

— *ясность*: четкость обозначения понятий, отсутствие многозначности;

— *направленность*: конкретность, определенность слушателей — нельзя говорить вообще, надо знать — кому и зачем;

— *видение*: необходимость создания целостного зрительного образа, поскольку слушать — это видеть то, о чем говорят, а

говорить — значит создавать зрительные образы: вижу — говорю = вижу — слышу;

— *рамки*: недопустимость потери содержания, ограничение количества смысловых частей, возможных для понимания, допускается 7 — 2 или 5 + 2, второй вариант эффективнее;

— *эмоциональный ритм*: оптимальность темпа, планирование «кризисов» (первый — через 15 минут, второй — через 35 минут от начала урока), фиксирование «взлетов» и «падений» и управление вниманием.

Учитель должен уметь сконцентрировать и удержать внимание учащихся на изучаемом предмете, уметь расширять круг внимания, очерчивая мысленно малый, средний, большой.

К. С. Станиславский придавал огромное значение способности владеть вниманием зрителя. Он следил часами за артистами: «Опыт показал мне, что максимум их способности одному безостановочно держать внимание тысячной толпы при сильно захватывающей сцене равен СЕМИ МИНУТАМ (это огромно!). Минимум — при обыкновенной тихой сцене — ОДНА МИНУТА (это тоже много!). А далее им уже не хватает разнообразия выразительных средств, им приходится повторяться, отчего внимание ослабевает, вплоть до следующего перелома, вызывающего новые приемы воплощения и новый приступ внимания зрителей. Заметьте — это у гениев!». Остается только добавить, что в распоряжении учителя 45 минут!;

— *«импровизация по ходу»*: продуманность и подготовленность отступлений, приемов, баек и т.д. Хорошие импровизации репетируются заранее;

— *повторение*: необходимость вторично подчеркнуть основные положения, числа, имена и т.п.;

— *дикция, громкость, выразительность*: грамотность и культура речи, правильность ударений, произношений; чтобы речь была звучной, согласные должны быть выразительные. По К. С. Станиславскому: «Слово со скомканным началом и недоговоренным концом, выпадение отдельных звуков и слов — все это телесное и физическое уродство». Необходимо знать и помнить о логических, психологических паузах, ударениях (сильные, слабые, средние), особо — об интонации: мы, как правило, обращаем внимание больше на интонацию, чем на слова. Невыразительность интонации нередко приводит к непониманию, к конфликтам:

- Вы спрашиваете или утверждаете?
- Вы просите или требуете?

Для авторитетности тона, убедительности голос понижают, а не повышают, при этом речь замедляется; общительность, приветливость, тактичность, искренность, открытость, любезность — это очень важно, так как (повторюсь) не слова воздействуют на слушателей, а сам человек.

Нормы литературного произношения, речевая культура — это, прежде всего, самовоспитание, критичность по отношению к себе.

Обидно, когда учитель сам создает барьеры на пути к общению своей речевой безграмотностью. Вот некоторые перлы: тЭма урока, рЭктор; а фрикативное «Г»: металлурГХ, ГХлубже, иГХра? А неправильное ударение: алкоголь, средства, понял, шофер и т.д.?

Немаловажное значение имеют и невербальные средства общения: владение мимикой и пантомимикой (движение тела, рук, ног, жесты, позы).

Джеральд Джампольски выделил слова, которые мешают в общении. Я лишь придал им форму акростиха.

Невозможно
Если только
Должен
Однако
Сомнения
Трудно
Обязан и НЕ могу
И пытаться
Но
Ограниченно

Эти слова НЕДОСТОЙНО говорить, особенно учителю детям, потому что они мешают выйти на доверительный уровень общения. И если эти слова появляются, надо представить их написанными как бы на доске и стереть. Речь — это человек — «начни говорить, и я тебя узнаю».

УЧИТЕЛЬ,

— избегайте употреблять слова, которые задевают ваших учеников;

- старайтесь не обвинять и не ругать;
- по возможности, не делайте замечаний;
- не критикуйте характер и способности учеников.

ВОПРОСЫ К САМОМУ СЕБЕ:

Если у меня должен состояться разговор, то:

— Зачем мне необходим этот разговор?

Мне надо переубедить?

Мне надо выслушать и понять другую точку зрения?

Мы должны найти компромисс?

— Какие аргументы я приведу?

— Какие могут быть возражения, вопросы?

— Как я на них отвечу?

— Как я закончу разговор?

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ:

Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Секреты хорошей речи. М., 1993.

Каин М. Н. Русский язык. Путешествие в мир лексики. М., 1991.

Колесов В. В. Культура речи — культура поведения. Л., 1988.

Павлова Л. Г. Спор. Дискуссия. Полемика. М., 1991.

Сборник упражнений по русскому литературному произношению и ударению. Гурбанов В. В., Козьмин В. В. — составители. М., 1984.

Сопер Поль Л. Основы искусства речи. М., 1992.

IV. Сотрудничество как проявление любви.

Это действенное отношение одного «Я» к другому «Я», в результате которого возникает новая система — общность «Мы». Это выход на исповедный уровень общения, доверия и предельной открытости.

Феноменом педагогического общения является эмпатия, как отклик одной личности на эмоциональное состояние другой, она проявляется в следующих формах:

1. КОГНИТИВНАЯ ЭМПАТИЯ — понимание состояния другого без изменения своего состояния. Это рассудочное понимание. Например, я понимаю, что учиться трудно, но это ВАШИ проблемы.

2. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЭМПАТИЯ — характеризуется присутствием личностного начала и может проявляться в виде:

— сочувствия, в основе которого лежит потребность в собственном благополучии: «А у меня все в порядке»; «Мне нравится, как Я ее люблю»;

— сопереживание, когда эмоциональное состояние основано на благополучии другого: «Давай поплачем вместе»; «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

Таким образом, эмоциональная эмпатия — не только понимание состояния другого, но и сопереживание.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Нам попросту хочется
высвободить
Невысказанное, заветное...

Нужна хоть кому-нибудь
исповедь,
Как богу, которого нету.

А. Вознесенский

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Алиса не знала, что ей делать,
пожать руку сначала одному, а
потом другому? А вдруг второй
обидится? Тут ее осенило — она
протянула им обе руки сразу.

Л. Кэрролл

умений педагогического общения;

— управление своим психическим состоянием: адекватность самооценки;

— организацию и руководство совместной творческой деятельностью;

— создание атмосферы доброжелательности и уважения.

Сотрудничество — это взаимодействие двух миров: мира учителя и мира ученика. Не сумма миров, а разность в своем единстве — они не могут совпадать, они заведомо «рассогласованы».

Известно, что мир ученика — это мир социальной ситуации — семья, улица и т.д.

Мир педагога — это мир культуры. Именно он осуществляет «ввод ребенка в культуру». И если он становится «своим», то перестает быть учителем (с друзьями приятно проводить время, а от учителя дети ждут реальной помощи). И если я педагог, я не учу, а помогаю учиться. Я знаю, что учиться — это очень трудно, и я, как учитель, должен тебя заставлять заучивать (и это надо), переписывать и очень строго проверять и оценивать — это моя работа. И ты это прекрасно знаешь. Я не буду

3. ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ЭМПАТИЯ — высшая форма эмпатии, включающая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, т.е. в основе эмоционального проявления лежит потребность в сотрудничестве, характеризующая нравственную сущность личности. Это не только радость совместных переживаний, но и радость совместных «ОТКРЫТИЙ»: взаимное самораскрытие.

Это предполагает:

— высокий уровень интеллектуального развития педагога;

— нравственно-волевое развитие личности учителя;

— развитие способностей и

облегчать тебе жизнь — «как легко учиться», «подслащивать пилюлю» знаний, умений, навыков — просто я могу помочь тебе, как врач помогает больному, стараясь не просто облегчить боль, а вылечить человека.

А для этого я:

во-первых, трудное для тебя сделаю привычным;

во-вторых, помогу предотвратить твои возможные ошибки, неудачи (неудачи в обучении — это нормально);

в-третьих, знаю, что любить — это верить в успех другого — со мной ты сможешь даже «перепрыгнуть пропасть»;

в-четвертых, понимаю смысл моей педагогической деятельности как организацию твоего успеха;

в-пятых, должен подготовить и тебя к успеху, т.е. сделать все, чтобы ты мог предъявить свое (открыть тебя в тебе).

Отсюда один из важнейших принципов педагогики — принцип сотрудничества.

Итак, для любви необходимо: привлечь внимание, заинтересовать собой, увлечь собой и выйти на сотрудничество. Это целая система отношений, через которую человек воспринимает себя и окружающих людей. И, конечно же, любовь начинается с самого себя, с понимания индивидуального смысла бытия. И любовь становится со-бытием, то есть помогает мне ощутить свою со-при-част(ь)-ность. Моя жизнь становится ценной для меня и для того, кто сможет полюбить меня.

Заметки на полях:
Я стану учительницей детей, и они начнут с малолетства уметь.

А. Платонов

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Любить кого-то — это выучить песню его сердца и петь ее, когда он забывает о ней.

Э. Берн

Мы, необходимо еще Я, но уже другого человека. Наверное, не самое это удачное — говорить про себя Мы. В любви человек не просто отдает или получает, в любви он делится своим. Значит, чтобы было ЧТО разделить, или от-делить, или у-делить, надо что-то иметь в себе такое, что было бы только у меня, что не связывало бы меня ни с какими другими людьми — свое единственное, исключительное, иное. Чтобы другой человек сказал: «Ты мне нужен, я не могу без тебя». И если нет учителя, нет и ученика, а если нет ученика, значит нет и учителя. Мы обречены быть вместе, потому что тогда мы действительно Мы.

и традициях. И изучение этого мира осуществляется учеником за счет расширения, осмысления своих действий, как определенная у-часть, как с-частье быть со всем миром. Но для этого педагогу надо много времени и душевных сил, чтобы «обустроиться» самому, то есть разобраться в себе, выявить себя, отнестись к самому себе. Отношение к себе начинается с самооценки. Самооценка — это осознание собственной ценности и самоидентичности, оценка своих возможностей, качеств личности, своего места среди других людей. Самооценка регулирует поведение личности в конкретных ситуациях, определяет отношение к успехам и неудачам, критичность, уровень притязаний, требовательность к себе и окружающим. Самооценка может проявляться как адекватная, заниженная и завышенная.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Не только музыке надо быть сверхмузыкой, чтобы что-то значить, но и все на свете должно превосходить себя, чтобы быть собою.

Б. Пастернак

Заниженная самооценка у преподавателя определяет установление отношений с учащимися либо в варианте — «заигрывание, задабривание», уход от конфликта, либо в варианте авторитарности, основанной на мелочной опеке, постоянном жестком контроле за выполнением предъявляемых требований, праве наказывать. Кстати сказать, все неудачи, как правило, у человека бывают вследствие заниженной самооценки и недостатка любви. Заниженная самооценка подчеркивает плохое отношение к себе, а это, в свою очередь, выявляет плохое отношение человека к людям. И тогда начинаются скандалы, сплетни, чтобы замарать, загрязнить, растоптать людей, а самому оказаться «чистеньким», с «высоко поднятой головой». Такой человек как бы говорит самому себе: «Да, я никто, но есть еще хуже меня, и тогда я — «ого-го»».

Завышенная самооценка у педагога предполагает либо отторжение учащихся от себя, либо ожидание известного почитания, поскольку такой преподаватель как бы «дарит» себя аудитории.

При неадекватной самооценке он более всего озабочен собственным положением, отношением к себе окружающих людей, а не организацией и руководством активной, сознательной, самостоятельной деятельностью учащихся.

Самооценка определяет уровень притязаний, то есть условную границу достижения успеха, которую каждый человек определяет для себя сам. Самооценка вдохновляет человека на успех, и чем раньше он его обретает, тем раньше у него выявляется самоуважение.

Известна формула У. Джеймса, которая определяет самоуважение:

$$\text{самоуважение} = \frac{\text{успех}}{\text{притязание}}$$

Самооценка неразрывно связана и с самовосприятием — личностным определением образа «Я». Как правило, рассматриваются следующие варианты самовосприятия:

- наличное «Я» (каким я себя воспринимаю);
- представляемое «Я» (каким меня видят другие);
- идеальное или желаемое «Я» (каким я бы хотел стать).

Самовосприятие осуществляется:

- через восприятие своего внешнего облика;
- через восприятие собственных норм и ценностей;
- через результаты собственной деятельности;
- через соотнесение себя с другими;
- через восприятие себя окружающими.

МИНИПРАКТИКУМ:

Сделайте собственную иерархию критериев самовосприятия: на первое место поставьте самое для вас значимое и т.д. Вспомните, что было значимым для вас в 6-7 лет, в 14-15, 20-21, и т.д. Как менялось ваше восприятие? Может быть, это и есть «диалектика души».

Своеобразной формой контроля и самоконтроля является саморегуляция.

По мнению исследователей, это предполагает:

1. Готовность правильно воспринимать требования других людей.
2. Готовность к анализу ситуации, в которой приходится действовать в связи с реализацией этих требований.

3. Готовность к анализу собственных возможностей успешности деятельности.

4. Умение планировать свою жизнедеятельность соответственно внешним условиям и внутренним возможностям.

5. Готовность предъявлять требования к самому себе и умение на них сосредоточиться.

Развитие саморегуляции можно проследить в следующей последовательности:

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Я есть то, что
Я есть, и в этот момент
я не могу быть ничем
иным, кроме того, что я есть.

Перлс

1. Нормы и правила — ориентация на порядок и дисциплину: «как должно быть».

2. «Кнут или пряник» — ориентация на последствия: «Что за это будет?».

3. «Как все» — ориентация на мнение окружающих: «Так все делают».

4. «Имею честь» — ориентация на самого себя: «Я отвечаю и за себя, и за другого».

Саморегуляция, в свою очередь, определяет самоорганизацию личности, что предполагает целесообразное приведение в порядок, упорядочивание деятельности, основу которой составляют следующие элементы:

- хочу — желание самого человека действовать, реализуя себя; ребенок приходит в школу: «Учитель, я хочу учиться!» Хочу — это всегда добровольно, лично;
- знаю — осознание цели, что и как делать. «Я — ученик», я хочу знать. «Учитель, научи!»;
- могу — способность организовать свою деятельность как процесс (последовательность, систематичность, результативность и т.п.). «Учитель, помоги!»;
- успеваю — организация во времени, интенсификация деятельности. Учебное время, свободное время. «Учитель, организуй!».

Для любви нужен весь человек. Все его пространство и все его время. В любви просто необходимо свободное время, а в педагогике один из самых сложных конфликтов — это конфликт субъективного восприятия времени взрослого и ребенка (учащегося). У человека, который учится, структура времени циклич-

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Человек, спасаясь от медведя, добежал до обрыва. Медведь догоняет. Деваться некуда. Человек повисает на ветке дерева, укрепившегося в земле над самым обрывом, в надежде, что медведь его не заметит. Висит этот человек над пропастью и, взглянув туда, встречается с жадными взглядами волков, скопившихся прямо под ним. Мало этого, появляются мыши и начинают с двух сторон грызть ветку, на которой он висит. Человек в отчаянии оглядывается вокруг и видит совсем рядом с собой небольшой малиновый куст, на котором светится спелостью огромная ягода. Человек протягивает руку, срывает ягоду и ест ее. Ест, как пьет воду в пустыне — малыми глотками, не столько глотая, сколько дожидаясь, когда она растворится во рту. Хотя сзади медведь, а впереди пропасть и волки.

определяют всю нашу педагогику, — БЫСТРЕЕ и НЕЛЬЗЯ).

ВРЕМЯ УМЫВАНИЯ. Он сидит на краешке ванны, открыл кран и смотрит, как льется вода. Милые взрослые, вспомните, когда вы последний раз это делали?... Вернее, когда у нас было для этого время? Ха.

— А чего это вода закручивается все время в одну и ту же сторону? Надо бы спросить об этом у физика. Ох, физика. Она, кстати, вернее, некстати, сегодня есть... Да, надо умываться...

ВРЕМЯ ЗАВТРАКА.

— Это я не хочу. Это я не буду... — Отщипнул... Отпил... Пошел...

Это мама и отец побежали, а он пошел, потому что ему не надо торопиться. У него вся жизнь где-то впереди. А это для него лишь утро. Время дороги в школу. Это прекрасно — идти

на: утро, день, вечер. Есть утро. Но **УТРО** — это **ВРЕМЯ, КОГДА ЕГО БУДУТ**, а он не встает, потому что он не хочет вставать. Его торопят, а он никуда не торопится, ему некуда спешить. Как всякий разумный человек, он должен **ОБДУМАТЬ, СПРОЕКТИРОВАТЬ, СМОДЕЛИРОВАТЬ** (правда, он таких слов может и не знать) все предстоящие ситуации дня:

— Вот школа. Что там у меня сегодня? Этот придет — будет учить. Эта придет — будет воспитывать. У нас сегодня диктант или контрольная? ...

Так, по этому меня уже спрашивали, по этому я отвечал, а вот по этому могут и спросить ... Вроде у меня зуб болел? Или голова? А может, вообще не ходить? Слышу: «Что ты там возишься? Быстрее давай, быстрее!...» (Да, у нас есть два замечательных слова, которые

в школу всем вместе. В наше время было самое обидное оскорбление:

— Я за тобой завтра в школу не зайду.

А сегодня не заходят, все идут по одному. Но все равно по дороге сбиваются в «организованную толпу» — и в школу.

— Вот если сейчас ее встречу, все будет прекрасно. Она как раз должна идти в это время. Надо чуть-чуть подождать. Ну, вроде завязать шнурки (которых нет).

— О, привет.

— Привет.

— Ты в школу?

— В школу.

— Здорово. И я туда же.

— Да уж, здорово.

— Ты про что?

— Я про школу.

— А я про тебя (но последнее только самому себе).

ВРЕМЯ ДНЯ. Это время уроков. Можно ничего не делать, делая вид, что все делаешь. А можно играть в «морской бой» или книжку почитать, или к другому уроку подготовиться и даже что-то ответить на вопрос учителя. Многого можно сделать на уроке... даже удивительно, как много можно было сделать на уроке. Ученику. Потому, что он — урок — для него идет, идет и не заканчивается. А у нее (учительницы) еще какое-то завтра есть: «Это вам на завтра», «Если ты будешь так же отвечать на следующем уроке, вот тогда я тебе поставлю...». А зачем мне завтра? Какое там завтра? Мне все нужно сегодня. Сейчас...

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕНЫ. Головокружительное время — в прямом и переносном смысле: «сгонять» по всем этажам школы, посмотреть — кто с кем, кто в чем, увидеть ЕЕ, заглянуть к НЕМУ, сыграть, переписать, перекусить, перекурить... Перемена. Какое емкое и длинное слово. Надо же всего себя переменить. И стать... снова учеником.

ВРЕМЯ ДОРОГИ ДОМОЙ. Некоторые так и до вечера не дойдут, потому что есть друзья, кружки, секции, клубы. И все это день...

Но ведь есть еще вечер...

И так весь день. А завтра снова день, в котором есть утро, день и вечер.

А у нас, взрослых, время прямолинейное: есть вчера, сегодня, завтра. А точнее, вчера и завтра.

И один день становится настолько похожим на другой, что отличить очень трудно. И все куда-то бежим, торопимся, спешим... и помним, ведь помним, что мы делали, даже в чем были одеты 12 апреля 1961 года, когда полетел Гагарин. Но спросите себя в конце дня сегодняшнего: «Что я делал утром?». Утром — это когда? Утром же — это так давно было, что сразу не вспомнишь. А если вспомнишь, так это то же, что было и вчера. Правда, когда задумаешься, сколько за день успел сделать, — ой, с ума сойти... Ой, опять пятница. Это я по «Полю чудес» узнаю. Вроде было вчера это...

И снова осень... Казалось, вчера еще мечтал о лете. И начинаешь вспоминать (только и делаешь, что вспоминаешь)...

Или наоборот, ждешь завтра: как будет хорошо завтра — «птица счастья завтрашнего дня». И мы бежим по этой жизни и часто очень боимся остановиться, осмотреться, потому что можно увидеть пустоту вокруг себя: вроде семья, якобы друзья, но мне кажется, что я в них нуждаюсь больше, чем они во мне; вроде любовь, вроде работа, а... ладно. И снова вперед.

Мне нравится название одного кооператива — «Вперед» — в нем изготавливаются ритуальные принадлежности. Но не надо о грустном... Нет, еще одна фраза — самая короткая эпитафия: «Вот так-то!».

Все. Теперь о детях. Нет у них вчера и нет у них завтра. У них есть только сегодня. Сей-час! Теперь. И все.

— Я хочу быть счастливым сейчас. И, пожалуйста, учитель, помоги мне.

— Милая учительница, можете вы мне сейчас поставить «5»?

— Да? — Я с вами.

— Нет? — Прощайте. Я ухожу от вас.

Все очень жестко. Но — любовь? А любовь — это настоящее.

Никогда в жизни и сейчас, когда я пишу эти строки, она не подойдет ко мне и не положит свою руку на мою... Это будет потом... Завтра, после... Но сейчас? Нет настоящего — может не быть будущего. Нельзя не замечать настоящего. Нельзя перешагнуть настоящее. Нельзя перепрыгнуть его. Надо уметь жить настоящим.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Люблю тебя сейчас,
Не тайно — напоказ.
Не «после» и не «до» в лучах
твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь
Но я люблю сейчас,
А в прошлом — не хочу,
а в будущем — не знаю.

Владимир Высоцкий

ри) роскошь времени. И не урок, не поездка, и не встречи планирует человек, а свое единственное времяпрепровождение. А если единственное, значит — лучшее. Но если мне на своем уроке, мягко говоря, не очень хорошо и неинтересно, то зачем мне это (не говоря уже о детях, у которых каждый день — день первый)?

Мы загружаем себя работой. Это не много работы, а полностью загруженный день. И тогда не остается времени на «подумать». Сплошная работомания. Даже термин появился — «трудоголик». Культура личности — это культура времени: времени не хватает только на то, что не хочется делать. Да не времени не хватает, а способности себя реализовать.

Дети ждут от учителя ПРЕЖДЕ ВСЕГО не общения, не сопереживания, не духовного контакта (хотя все это замечательно), а реальной помощи в реализации своей личности, своей нужности, полезности, то есть в становлении самого себя в НАСТОЯЩЕМ.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Все, что было — настанет,
А что будет — прошло.
Настоящее дышит
Нам в лицо тяжело.

Мишель Унамуно

непрерывно «поглощает» настоящее, превращая его в прошлое, а будущее начинается уже сегодня. Какие мы, каким мы его делаем, такое и будет будущее.

Кто-то хорошо сказал: «Когда мы боимся будущего или не можем разобраться с прошлым, мы избегаем осознать настоящее, пытаемся стать бесчувственными, боясь боли, мы теряем вкус к жизни».

Единственное, что у меня есть, — это настоящее. Именно это нельзя у меня отнять. И единственная роскошь — это (простите, Экзюпери)

МИНИПРАКТИКУМ:

1. Что означает время для вас?

2. Нуждаетесь ли вы в дополнительном времени?

Если да, то для чего оно вам необходимо?

3. Как-нибудь, когда-нибудь проведите хронометраж своего свободного времени.

Значит, учителю надо уметь жить и во времени ребенка — в настоящем. И опять — настоящее — время любви, время для любви. А иначе зачем жить? А что если так: время учебы — это время успеха учителя и ученика. И тогда время учителя и ученика — это радость человеческого общения.

Время человеческого общения — это условие счастья.

Время счастья — это время для творчества.

Творчество и любовь — это и есть самореализация личности.

И опять Само... Да, потому что речь идет о человеческом «Я».



СТРАХ

Тимо Кустовский 6.10.11



В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся несовершенен в любви.

1 Иоан. 5, 18.

О страхе написано так много, что становится страшно. Действительно, страх — одна из проблем человека. Его испытывают все люди. Это одна из самых опасных эмоций. Исследователи рассматривают и причинность страха, и врожденные и приобретенные дифференциации, и развитие, и субъективные переживания. Меня интересует страх как незащищенность личности, а это происходит, как правило, в отсутствие любви, когда человек еще не встретил ее или уже потерял, то есть когда он одинок. Другими словами, мне кажется, что чем меньше любви у человека, которая превращает его в социальное существо, тем больше у него страха, оставляющего его в животном состоянии. А вот размышления на эту тему старшекласников.

«Страх — это враг человека, его предатель. Это предчувствие чего-то ужасного. Это слабость человека».

Алена Потапова (10 кл.)

«Страх — это... самая противная вещь на свете. То, что мешает, сковывает, сбивает с пути, заставляет ошибаться».

Валерий Перельгин (11 кл.)

«Одиночество — это как болезнь. Постоянно гложущая мысль о том, что я одна, никому не нужна. Люди, окружающие меня, становятся противны, я замыкаюсь в себе, собственные мысли и действия кажутся пошлыми и абсолютно бесполезными. Я противна самой себе. Это морально убивает. Возникает такое чувство, что я одна на всем белом свете, а повсюду опасность. И меня охватывает панический страх, что я не справлюсь одна со всем этим. Жизнь теряет смысл, все — серое...».

Юля Калугина (10 кл.)

«Страх — это чувство, которое делает человека ничтожным и даже заставляет себя чувствовать не человеком, а зверьком — работает инстинкт самосохранения».

Руслан Юдин (10 кл.)

«Страх — это чувство и осознание того, что в какой-то сфере или области ты беззащитен и никто не может помочь тебе или поддержать».

Катя Буева (11 кл.)

«Страх — состояние души, при котором человек проявляется как личность, в зависимости от того, чего он боится. Можно бояться контрольной или двойки, можно бояться жизни или будущего. Преодолеть страх — значит перебороть себя. А если попробовать любить непокорное?»

Выход — В О З Л Ю Б И...».

Катя Гузенко (11 кл.)

Французский режиссер Ален Рене в своем фильме «Мой американский дядюшка», опираясь на теорию профессора А. Лабори, исследовал биологические основы человеческого поведения, и в частности, страх. В фильме демонстрируется эксперимент с крысой, помещенной в клетку сдвигающейся перегородкой. Когда загорелась лампочка, то (у крысы был выработан условный рефлекс) ее наказывали электрическим током. Чтобы предотвратить наказание, крыса подбегала к перегородке, которая сразу поднималась, и она спасалась в другой части клетки. Не буду перечислять все стадии эксперимента, остановлюсь на последней. Загоралась лампочка, крыса подбегала к перегородке, которая не поднималась... И тогда... Напрашивается вывод: крыса, естественно, начнет метаться по клетке, перегрызая прутья перегородки... Но так думалось. А на самом деле все было по-другому. Крыса неестественно цепенела и ждала наказания. А вот его-то как раз и не было. Лампочка горела, значит, должен быть электрический ток, но это очень больно, и перегородка была закрыта, и крыса ждала... Вот одна из причин рака, различного рода аллергии, язв, нервной патологии. И не хочется приводить цифры, сколько у нас больных детей. От этого легче не будет. Дидактогения (учителе-, школобоязнь), о которой писал еще В. А. Сухомлинский, и сегодня

господствует в нашей постперестроечной школе. И как бы ни менялись вывески: лицеи, гимназии, колледжи — детей так же ругают, на них по-прежнему кричат, их так же обзывают (в ход идут, как правило, ботанические, зоологические термины, а уж об особенностях умственных способностей, как их называют учителя, даже вспоминать не хочется). А они, дети, продолжают обкусывать свои авторучки, манжеты, воротнички рубашек.

Учитель на уроке... (лампочка загорелась) еще не страшно?!

— Так... к доске пойдет... (ти-ши-на).

— Ура, не меня вызвали (а лампочка горит).

Первый урок прошел, второй, третий, четвертый, пятый... Сегодня повезло, а завтра?

Старшеклассники, с которыми мне приходилось беседовать, на вопрос: «Чего вы боитесь больше всего?» — ответили: одни боятся войны, смерти близких и своей, жестокости, одиночества, а другие боятся учителя, получить двойку, не сдать экзамены (и это 10–11 класс!). А малыши (2–3 класс), которых мы спрашивали, как правило, называют тоже учителя. Удивительная способность некоторых учителей формировать у школьников, «комплекс вины» как основы взаимоотношений:

за то, что он уже пришел, точнее «явился» в школу;

за то, что не так лежит тетрадь, книга;

за дневник — не взял, не заполнил;

за то, что встал («ну не так ты стоишь, как надо»);

за то, что сел («поспокойней сиди», «не крутись, не вертись, что у тебя в парте»);

за руки («опять они у тебя в карманах» — и целую лекцию вместо урока на тему морали);

и т. д. и т. п.

Из «Письма без адреса»:

«Я понимаю, что не любим вами, но я пришел на урок, а не просто к вам. Я действительно хочу приблизиться и к вам, чтобы вы меня заметили, увидели, обнадежили. У вас есть власть. Вы можете опоздать, быть не готовым к уроку (и это тоже встречается и нередко — тогда сразу самостоятельная или работа с книгой, диктант и т. д.), ходить по классу, разговаривать, смотреть в окно, наказывать и, вообще, делать все, что вы хотите. А ваши чрезмерные требования, от которых иногда хочется выть. Постоянные вмешательства. Написано — «учебник для 10–11 класса», а то еще прозе — «учебник для учащихся», то есть это

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Я всегда любил учиться,
но не любил, когда
меня учат.

Уинстон Черчилль

для меня! А вы? «Нельзя!», «Всем закрыты!», «Я тебе что сказала?!» И так до бесконечности. Написано — «Дневник ученика»... Там есть место для автграфа, а вы, простите, мне пишете какие-то гадости и отправляете с этим дневником к моим родителям, чтобы я с вашей помощью сказал им, какой я плохой и какое место вы мне отводите в этом мире. Я понимаю, не нужен я вам, но посмотрите, как мне иногда бывает плохо. Я не прошу вас, чтобы вы облегчили мою участь, но прошу вас, хотя бы оставьте меня в покое. Нет?! Тогда я буду вас обманывать, списывать, выдавая чужое за свое, подсказывать и ждать подсказки, доставлять вам неприятности — по-другому я не умею. Ваше раздражение рождает мое раздражение. Я помню, когда я пришел в школу, я так хотел учиться, мне так хотелось, чтобы вы мне помогли стать самим собой. Я восхищался вашими знаниями и столько рассказывал о вас своим родителям и друзьям... А вы? Я же догадываюсь, что раздражение ваше вызвано отношением к себе, а не к нам, бывает же, что и у взрослых все идет не так, как бы хотелось. А я... вернее мы, ученики, для вас хороший «громоотвод». И мы зависим от вас, от вашей власти, от вашего настроения. Мы все время «должны», а если что не так, мы опять слышим от вас, что мы «дубы», «вязы» и неприлично кто. Вы же детей любите вообще, а не меня, его, другого конкретно. Извините, но я так больше не могу. Я понимаю, вам нравятся красивые, спокойные, умные, дисциплинированные, послушные дети, с которыми не надо возиться, воспитывать, учить, они схватывают все на лету, они умеют здороваться и очень прилежно учиться, а я-то просто нормальный, а могу быть трудным. Ну такой я! Мне так хотелось, чтобы вы помогли мне обрести уверенность в самом себе.

Я все время хотел быть способным, умным.

Я очень хотел быть достойным любви.

Мне хотелось всего лишь вашей поддержки, вашей веры в меня, в мои маленькие, робкие успехи.

Я хотел бы расстаться со страхом неправильного ответа, неумения что-то сделать.

Я пришел УЧИТЬСЯ, и я так понимал, что у меня могут быть ошибки и срывы...

для меня! А вы? «Нельзя!», «Всем закрыты!», «Я тебе что сказала?!» И так до бесконечности. Написано — «Дневник ученика»... Там есть место для автграфа, а вы, простите, мне пишете какие-то гадости и отправляете с этим дневником к моим родителям, чтобы я с вашей помощью сказал им, какой я плохой и какое место вы мне отводите в этом мире. Я понимаю, не нужен я вам, но посмотрите, как мне иногда бывает плохо. Я не прошу вас, чтобы вы облегчили мою участь, но прошу вас, хотя бы оставьте меня в покое. Нет?! Тогда я буду вас обманывать, списывать, выдавая чужое за свое, подсказывать и ждать подсказки, доставлять вам неприятности — по-другому я не умею. Ваше раздражение рождает мое раздражение. Я помню, когда я пришел в школу, я так хотел учиться, мне так хотелось, чтобы вы мне помогли стать самим собой. Я восхищался вашими знаниями и столько рассказывал о вас своим родителям и друзьям... А вы? Я же догадываюсь, что раздражение ваше вызвано отношением к себе, а не к нам, бывает же, что и у взрослых все идет не так, как бы хотелось. А я... вернее мы, ученики, для вас хороший «громоотвод». И мы зависим от вас, от вашей власти, от вашего настроения. Мы все время «должны», а если что не так, мы опять слышим от вас, что мы «дубы», «вязы» и неприлично кто. Вы же детей любите вообще, а не меня, его, другого конкретно. Извините, но я так больше не могу. Я понимаю, вам нравятся красивые, спокойные, умные, дисциплинированные, послушные дети, с которыми не надо возиться, воспитывать, учить, они схватывают все на лету, они умеют здороваться и очень прилежно учиться, а я-то просто нормальный, а могу быть трудным. Ну такой я! Мне так хотелось, чтобы вы помогли мне обрести уверенность в самом себе.

Я все время хотел быть способным, умным.

Я очень хотел быть достойным любви.

Мне хотелось всего лишь вашей поддержки, вашей веры в меня, в мои маленькие, робкие успехи.

Я хотел бы расстаться со страхом неправильного ответа, неумения что-то сделать.

Я пришел УЧИТЬСЯ, и я так понимал, что у меня могут быть ошибки и срывы...

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Где правит любовь, там нет
желания властвовать;
и где господствует власть,
там нет любви.
Любовь — тень власти.

Карл Юнг

Я хотел научиться не бояться неудач, не бояться самого себя, не бояться, что подумают, что я боюсь...». В страхе человек всегда один. Он находится в пустоте душевных отношений. Нет ничего, мне кажется, страшнее одиночества. Отсюда и собственная ненужность, неостребованность. А если он на уроке «изгой», «робинзон» в океане пустого пространства, — кому он нужен? Можно заставить притворяться (адаптация к ситуациям — своеобразный конформизм), можно сделать вид, что они меняются под нашим влиянием («я же им добра желаю»), но нельзя изменить отношения, если я не люблю их всех и каждого. Такая у нас профессия: я должен это делать или уйти. А пока дети уходят от нас. Некоторые делают это, сбегаая с уроков, а некоторые остаются в классе, но уходят в себя. И вот это, мне кажется, одна из страшных педагогических ситуаций, когда ребенок уходит от учителя и прячется в себя. Так называемое эгрессивное поведение. Это:

— апатичность: он формально присутствует на уроке, делая вид, что он здесь (может кивать головой в знак согласия, может перелистывать учебник), **НО ЕГО НЕТ;**
у него, как правило, нет конфликтов с учителями, его не волнует свое положение в классе, он без ревности относится к успехам других: его нет, он в своей «скорлупе», в своем «футляре»; происходит как бы «ампутация личности»;

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

С волками жить — по волчьим выть!
Собаку учат сторожить.
И каждым утром, как закон,
Ведут собак в глухой загон.
Их там ласкают, травят, бьют,
Им злость почувствовать дают.
Виляй хвостом, скули и вой —
Ты будешь злой, ты будешь злой.
В тебя, как сталь в глухом бою,
Вобьет хозяин суть свою...
О, если б рано поутру,
Людей учили бы добру.

Александр Клейменов

— оборона: делает, что хочет, а не то, что необходимо в данной ситуации, всем своим видом подчеркивая, что у него своя жизнь, а у всех остальных своя; ему нет дела до вас, а вы не должны вмешиваться в его жизнь;

— пассивность: он почти всегда один и на уроках, и на переменах; он робок, тревожен, застенчив;

— депрессивность: подавленное эмоциональное состояние, теряется при замечании учителя, страдает нервным расстройством, головными болями, болями в желудке и т. д.

И все это, как правило, от характера сложившихся взаимоотношений с учителем.

Мне подумалось, ведь должны же быть права у ученика, если мы говорим про любовь. А что если так — у ребенка должно быть Право:

- на непохожесть;
- на неудачу;
- на уважение к его ошибкам;
- на возможность исправить их и начать жизнь заново;
- на великодушные учителя;
- на любовь.

ПОЖЕЛАНИЕ УЧЕНИКУ!

Милый ученик:

Не надо волноваться и переживать:

- что ты не первый во всем;
- что ты можешь не догнать и перегнать других;
- что ты не такой как все;
- что не все у тебя получается с первого раза;
- что ты именно тот человек, который нравится и нужен кому-то.

ПОЖЕЛАНИЕ УЧИТЕЛЮ!

Учитель:

- У тебя есть свое имя, которое намного шире твоей роли.
- Помни, что ты — это ты и на уроке.
- У детей есть право на учителя-профессионала, право на счастливого человека.
- И у тебя нет выбора. Ты должен стать таким.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Вы ничему не можете научить человека.
Вы можете только помочь ему открыть
это в себе.

Галилео Галилей



СЧАСТЬЕ



Юля САХАРОВА, 6 лет

Приходило ли вам в голову оценивать свою жизнь вот в каком отношении: есть ли в ней радость, счастье, глубокое удовлетворение? Должны ли они быть, стоит ли затрачивать силы ради них? Почему? Не ограничивается ли жизнь раздвоением между «мне хотелось бы» и «но я не должен» или «мне придется»? Если да, почему мы легко уступаем окружающей жизни в своем праве на радость и счастье, в праве на которое «наслаждение» жизнью?

Александр Мень

Счастье — это атмосфера души. Это как дыхание для человека. Это то, во что воплощена любовь: с-частье, когда у человека появляется представление о его целостности, точнее, о причастности его к другим людям, частью которых он является.

Любовь — это всегда выбор. А выбор — это отказ, и чтобы его сделать, надо принять решение и быть ответственным за него.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Счастье — это ответственность.

Торнтон Уайдлер

Да, это замечательно — быть ответственным, и не только за себя, но и за другого. Мне кажется, взросление человека и начинается со способности отвечать за другого (принимать на себя, брать, нести, совершать) и перед другим. Быть ответственным за свое настоящее и за будущее другого: и за совершенное, и за то, что необходимо совершить, и за несовершенное отвергнутое, то, которое могло быть осуществлено.

Ответственность всегда предполагает некоторую зависимость. И человек проходит, мне кажется, три основных стадии личной зрелости:

- зависимость —
- не-зависимость —
- взаимо-зависимость (соединение).

Это можно проследить, к примеру, через отношение человека к собственной одежде.

В детстве мне покупали одежду, которая нравилась моим родителям, а меня никто не спрашивал: НАДО! Когда я подросток, меня НАДО одевать как всех — в ЦУМе. А когда я стал взрослым, то начал одеваться в ателье «Стиль»: ХОЧУ! Но когда нас стало двое, мы покупаем одежду вместе, советуясь друг с другом. МЫ!

В педагогике должен существовать принцип ответственности, который предполагает организацию ситуации свободного выбора и многообразия ролей. Это реализуется через:

- самоопределение (выбор и прикрепление к какому-то виду деятельности);
- целеполагание (что я делаю и зачем);
- выбор действий;
- определение своего места и ролей в деятельности и общении;
- наличие позиций.

Счастье — это всегда встреча с другим человеком. У ребенка должно быть право на хорошего УЧИТЕЛЯ. Я считаю, что счастье — это УЧИТЕЛЬ... Его личность. Его неповторимость, единственность.

Я могу считать себя счастливым, потому что мне везло на своих учителей. Учитель — это не тот, кто преподает, а тот, у кого ты учишься. О ком ты слышал, кого ты знал и знаешь, с кем ты общался, и необязательно, чтобы он что-то преподавал именно у тебя.

Михаил Ильич Ромм... Мы никогда с ним не встречались, но я знаю, что в его мастерской учились и Андрей Тарковский, и Василий Шукшин, и Элем Климов, и Григорий Чухрай, и Вадим Абдрашидов и др.

Меня всегда поражало, как он умел беречь непохожесть человека. Ведь все его ученики очень разные. Нет, они все удивительно схожи — своей интеллигентностью, той самой, которой всегда отличался сам МАСТЕР:

- сдержанная интеллектуальная интеллигентность А. Тарковского;
- активная действенная интеллигентность В. Шукшина, позволившая сказать: «Нравственность — есть правда». И у него за этими словами было свое содержание;
- гражданская интеллигентность Г. Чухрая, позволившая настоять, чтобы жюри Московского кинофестиваля, председа-

лем которого он был, присудило главный приз фильму «8¹/₂ Федерико Феллини...

А какую надо было иметь педагогическую зоркость М. И. Ромму, чтобы разглядеть в несколько неуклюжем, заторможенном, неумелом актере, снявшемся у него в эпизоде фильма «Убийство на улице Данте», Иннокентия Смоктуновского...

А Сергей Аполлинарьевич Герасимов... Знакомство с ним как праздник, который всегда со мной.

Какая потрясающая плеяда учеников! Как он их ЗАЩИЩАЛ! И они это чувствовали и знали. И берегли себя, свое имя — «Ученик Герасимова», а точнее, берегли авторитет своего УЧИТЕЛЯ.

Я вспоминаю, как Анатолий Солоницын в свой сложный период жизни в Новосибирске, после съемок «Андрея Рублева», рассказывал, как он мечтает сняться у Герасимова. И я не понимал почему: после Тарковского — у Герасимова?

«Да, — говорил Солоницын, — да. И только у Герасимова. И тогда любой режиссер захочет со мной работать, потому что все, кто проходят школу Герасимова становятся профессионалами».

И действительно, у кого только не снимался А. Солоницын после фильма Герасимова «Любить человека». У УЧИТЕЛЯ ученик превращается в МАСТЕРА.

Кто мои учителя? Те, которые заставили меня посмотреть на вещи по-другому, задуматься над тем, над чем я не задумывался.

Мы сидели с известным бардом Вероникой Долиной после концерта и гоняли чай. Шла, как принято говорить, неторопливая беседа. И захотелось мне сказать ей что-то такое красивое и приятное (концерт был просто потрясающим). И я начал и сразу заметил, что ей стало скучно. Я, естественно, перевел разговор на другую тему, и она оживилась, и все встало на свои места. Спасибо ей за урок.

Если ты действительно хочешь сказать другому что-то очень особое, личное, так найди слова, которые только про него, те, что делают его единственным. А повторять то, что уже про себя слышал и не раз (даже если это очень хорошее), действительно скучно...

Еще один учитель. И тоже бард — Юрий Кукин, который, прощаясь после долгих ночных бдений, сказал: «Старик, я тебя

зауважал. За то, что ты меня так долго слушал, что я тебе говорил, и не просил меня спеть». Так он же замечательный рассказчик! Это такая редкость, что рассказы Кукина хотелось слушать и слушать, а песни его можно послушать и на концерте. Они тоже замечательные.

У меня много было и есть УЧИТЕЛЕЙ. Зримых и незримых. И думали они или не думали, знали они или не знали, они во многом мне помогли и помогают... А умение учиться, то есть находить в другом другого, чтобы измениться самому, это и есть счастье.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

На свете есть только одна проблема, одна-единственная: вернуть людям духовный смысл, духовные заботы.

Невозможно больше жить холодильниками, политикой, балаганами и кроссвордами.

Совершенно невозможно, невозможно жить без поэзии, без красок, без любви.

Антуан де Сент-Экзюпери

А в этом доме — все на упреках и попреках, все не так, все мелочно и придирчиво: не так сел, не так встал, не туда положил... Ну, в общем, понятно... Этакая «тихая варфоломеевская ночь».

А в этом доме... (мне как-то на лекции пришла записка с вопросом: «Скажите, пожалуйста, можно ли при детях родителям целоваться?» — «Замечательный» вопрос. Интересно: разрешить или не разрешить? — «Нет, говорю, — конечно, нет. Что вы? Упаси Господь, чтобы при детях целоваться. Это чему же они научатся? Быть нежными, ласковыми? Понимать, что счастье — в ощущении другого? Тряпкой половой, скалкой, да нет вообще всем, что под руку попадется, оскорблять самыми последними словами — вот это можно. А то целоваться...») — постоянно идут скандалы. Там задыхаются от нехватки свежего воздуха, нежности. Здесь постоянно закрывают рот криком...

Счастье — это и атмосфера дома. Чем наши дома отличаются друг от друга? Да, в принципе, ничем. И квартиры в домах — ничем: те же стены, те же паласы, те же холодильники. Но есть одно очень существенное отличие — это атмосфера дома. А она везде разная: в этом доме надо быть застегнутым на все пуговицы, в парадном костюме, при суперсовременном галстуке и думать, что бы такое умное сказать. А то в следующий раз могут и не пригласить...

А в этом доме можно не задумываться — умный ты или не очень, можно быть уставшим, можно быть радостным... Здесь можно быть разным. Меня здесь примут любым, без недоумения и настороженности, а искренне и приветливо — Я ЗДЕСЬ ЖИВУ. Или ХОЧУ ЗДЕСЬ ЖИТЬ.

Великолепную идею подарил Фазиль Искандер. Он исследовал писателя по отношению к дому: А. Пушкин, который всегда мечтал о доме и любил его. Л. Толстой с его удивительными домами Ростовых и Болконских. Ф. Достоевский со страшным «мертвым домом» и с «Записками из подполья». Поэтика дома у А. Чехова, М. Горький с мрачным дном дома, В. Маяковский с «комнатой-лодочкой», с городами будущего...

А «Дом на набережной» у Ю. Трифонова, а трилогия «Дом» у Ф. Абрамова... И вечно бездомные М. Лермонтов и Э. Хемингуэй, «дорога» Н. Гоголя, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Чистые пруды» Ю. Нагибина, Арбат Б. Окуджавы и т. д.

Каждый обустривает свой дом или не имеет его.

И уроки — как жизнь в доме, точнее, как атмосфера дома. Хотел бы заметить, счастье — это не безудержная радость от пустяка и по пустякам и не эйфория бытия. Это состояние

МИНИ-ПРАКТИКУМ:

Если взять «кирпичики» чувств, которые создают атмосферу дома:

радость	подозрительность	
вина	достоинство	жадность
обида	холод	порядочность
честность	обман	забота
нежность	недоверие	и т. д.

и построить дом, в котором каждый из нас живет. Или хотел бы жить. Или урок, который мы проводим. Интересно, какие «кирпичики» можно выбрать для нашего «строительства»? (Их можно добавить самому). Сколько этажей будет в нашем доме?

приподнятости над обыденностью, оптимизм, «мажор». И самое главное — это взаимоотношение части и целого, которые нерасторжимы. И без меня может ничего не произойти, и кому-то может быть очень плохо, потому что меня нет рядом. И тогда я должен быть и не опоздать, зная, что МЕНЯ ждут.

— Почему вас вчера не было с нами? У нас так здорово было!

Вот поэтому и не было, что у вас и без меня здорово. Потому что я должен быть там, где без меня грустно...

Умный, добрый, счастливый учитель расстраивается от того, что кто-то не пришел к нему, а не просто на урок. И он расстраивается искренне, «по-честному», потому что

он ждал этой встречи, он готовился, он проектировал совместную деятельность для всех и для каждого, а Его нет. Все остановилось. Очень грустно...

А вот родительское собрание, и чьи-то родители не пришли. А как же без них?

— Да, ладно.

— Мы же пришли.

Нет, не ладно. Потому что без них ничего не получится. И у каждого есть свое место, которое никто другой занять не может. Это страшно, когда столько лет мы говорили, да и продолжаем говорить: «Незаменимых людей нет». Как же можно заменить человека? Того, кого любишь? Того, с кем ты счастлив? И не только каждому нужен коллектив, но и коллективу нужен каждый. И не как сумма, а как многообразие личностей, потому

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

К законам общности
от сути частности
Приходишь без долгих
раздумий:
Сумма талантов
равна их разности,
А сумма бездарностей —
сумме.

Пит Хейн

дальше — то, что происходит рядом. И еще дальше). И расширяется пространство его личности, а значит, расширяется пространство ответственности...

И надо учить человека быть счастливым с раннего детства, с того самого первого дня рождения, когда он уже способен отвечать за себя. И тогда должен появиться тот, кого он уже в состоянии сделать счастливым. (Я понимаю, что это очень трудно сделать самому, потому что ребенок еще безответственен, но помочь-то ему можно! И должно! И тогда он будет потихоньку прозревать и окидывать взглядом не только то, что находится около своего носа, но и дальше — то, что происходит рядом. И еще дальше). И расширяется пространство его личности, а значит, расширяется пространство ответственности...

Я спрашивал своих школьников и студентов, кто помнит, когда день рождения мамы. Оказалось, что помнят все. А это

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

У меня есть собака,
Верней,

у меня есть кусок души,

А не просто собака.

Я люблю ее и порой

Очень сочувствую ей:

Нет собаки у бедной собаки моей,

И вот, когда мне бывает грустно...

А знаешь ли ты, что значит собака,

Когда тебе грустно?

Я обнимаю ее за шею

И говорю ей:

— Собака,

хочешь я буду

твоей собакой?

Хулио Сессар Сильвайн

— Первый кусок — маме (или папе, как это принято в данной семье), второй — папе, а третий... А вот третий (если бабушки с дедушкой нет, и сестры тоже нет) — тебе. Понимаешь, третий. Он может быть больше и «с розочкой», но третий. Это твоя очередь, твое место. Оно ни плохое, ни хорошее, оно — твое. А вот когда у тебя будет день рождения, то первый кусок... маме — а тебе опять третий. Ну так получается. А хочешь первый кусок? Купи себе торт, спрячься в шкаф (или за шкаф) и «трескай» — один.

Не хочешь так? Конечно, нет. Потому что стыдно быть несчастливым. Счастье — это когда все друг другу нужны, потому что тогда мы вместе. И учение — это ступеньки к счастью, их нельзя перепрыгнуть. По ним надо идти. О них мы уже говорили — зависимость, независимость, взаимозависимость.

А можно быть счастливым на уроке? Конечно. Ведь урок — это твоя жизнь (жизнь учителя и жизнь ученика), и она единственная. И прожить ее надо совместно, то есть вместе.

Педагогическое общение на уроке — это сложная творческая деятельность. Учитель должен учитывать те отношения, взаимосвязи, взаимодействия, которые складываются между ним и учащимися, особенности способов педагогического воздействия, психологический климат, интеллектуальный фон деятельности

уже приятно. И тогда я спрашивал еще: «Кто из вас в день своего рождения дарит маме букет цветов?».

— В мамин?

— Нет, в свой.

Одна рука, другая... И, как правило, все. А остальные?

— Разве вас не учили это делать — праздновать свой день рождения и как день рождения мамы? Она носила тебя, рожала в муках, а ты крикнул и...

А как разрезать торт? Тот самый, без которого мы не обходимся в праздники? Известно, что культура — не накопление, а распределение. Так и давайте.

(при котором знание — основные ценности), уровень познавательных интересов и потребностей учеников и т. п.:

И тогда:

— Урок — это точность, ясность, четкость, целеполагание: самоопределение в педагогической ситуации, которую я, педагог как личность, создаю в классе для формирования потребностей и развития способностей детей, то есть зачем «Я» (на личностном уровне, а не только на профессиональном) прихожу в данный класс, в данное время, к данным детям; что мне надо от детей данного класса; что дети данного класса ждут от меня как учителя и как личности.

— Урок — это лаборатория мысли, радости открытия, это переход от ценности получения результата к ценности процесса познания, а не проверка памяти и посещаемости учащихся.

— Урок — это многообразие видов и методов деятельности, а не штампованный путь от домашнего задания к новому материалу и от него к домашнему заданию.

— Урок — это организация успеха, выявление непохожести каждого, а не поиск виновных, ленивых, деление детей на успевающих и неуспевающих.

— Урок — это атмосфера доброжелательности, уважения, доверия, а не атмосфера подозрения, вины, скованности и пугливости.

— Урок — это взаимопонимание и сотрудничество, когда не только учитель заинтересован в успехе детей, но и дети заинтересованы в успехе учителя.

Педагогическое мастерство учителя зависит от его способности к самоанализу. Не случайно учителя-практики говорят о том, что учитель начинается после урока. Необходимо еще не один раз «вернуться на свой урок» и «прокрутить» в обратном порядке «киноленту» урока, чтобы ясно и точно ответить на вопрос: что я сделал и зачем? Но для этого необходимо уметь анализировать урок как педагогическую ситуацию.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Тайна счастья заключается в способности выходить из круга своего «Я».

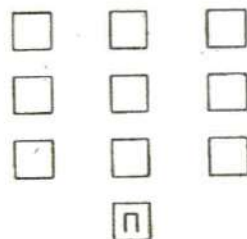
Георг Гегель

Но есть еще один момент, на который, как правило, не обращают внимания. Важнейшее место в доме занимает пространство общения, точнее, размещение людей в этом пространстве. Когда-то вся семья соби-

ралась за одним столом и сидели так, чтобы видеть друг друга. Сейчас, к сожалению, так бывает в основном на празднике. Потому что сегодня мы рассаживаемся так, чтобы смотреть в одну сторону и видеть... телевизор. А счастье — это видеть друг друга.

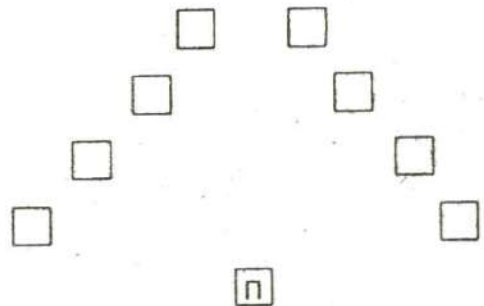
Учитель должен знать варианты эффективного размещения учащихся в различных ситуациях общения:

1.



Авторитарная рассадка — необходима для создания обстановки сообщения информации. Это наш традиционный урок. Все ученики видят только учителя, да еще спины сидящих впереди товарищей. Чтобы увидеть друг друга, надо повернуться, а «вертеться на уроке нельзя». Поэтому такая рассадка вряд ли позволит обсуждать, размышлять, потому что главное — слушать учителя. Позиция педагога — лидер.

2.

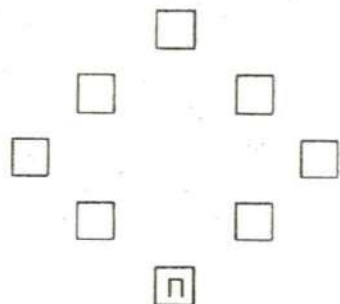


Демократическая (творческий полукруг) — позволяет познакомиться с индивидуальностью каждого, дает возможность учащимся почувствовать себя в коллективе, а также создает

отношение творческой взаимосвязи, единство общения и деятельности.

Позиция педагога — руководитель.

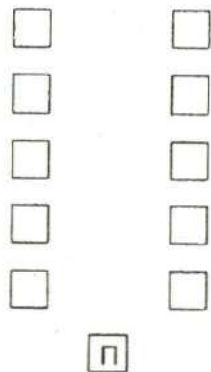
3.



«Круглый стол» — замыкает пространство общения, ограничивает число участников, облегчает контакт, обмен информацией. Позволяет «пережить» радость совместных открытий. В таком пространстве могут проходить беседы, совместные обсуждения, «мозговые атаки», а также поэтические, музыкальные (камерные) вечера.

Позиция педагога — нейтралитет (как все).

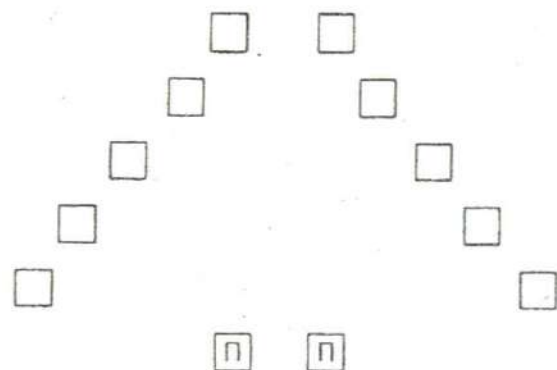
4.



Дискуссионная, или конкурирующая — выявляет групповые, субъективные позиции, мнения, точки зрения. Проведение дискуссий, диспутов, совещаний.

Позиция педагога — арбитр.

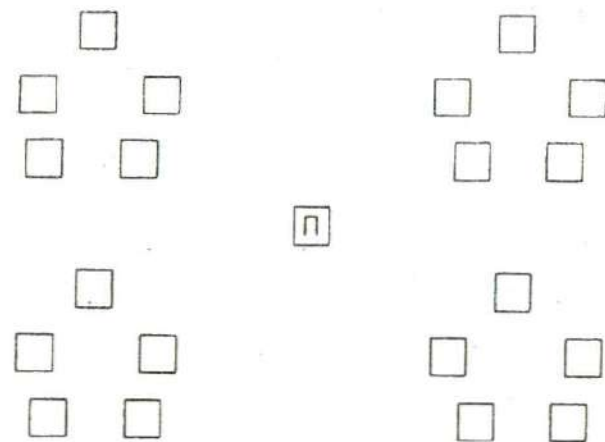
5.



Лучевая (состязательная) — предусматривает диалог преподавателей, имеющих разные подходы, позиции к содержанию учебного материала, а также создание каждым учителем своей содержательной «зоны».

Позиция педагога — наставник, советник.

6.



ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

О, сколько их на полях!
И каждый цветет по-своему, —
Вот высшим подвиг цветка.

Басе

Групповая (коллективно-творческая) — предусматривает организацию работы по группам для создания общего, целостного результата. Проведение творческих коллективных дел.

Позиция педагога — организатор, генератор идей.

Оптимальные пространственные условия сами по себе не обеспечивают результат, но повышают эффективность общения, делают возможным переход к более высокому уровню общения, уменьшают психологическую дистанцию, способствуют появлению «эффекта доверия». Счастье и создает атмосферу доверия. И вот что удивительно (а, может быть, как раз и неудивительно): счастливые люди могут раздражать. Конечно же, несчастливых. Мне кажется, зависть как проявление зла и является реакцией на счастье другого человека. Счастливый человек заметно отличается от окружающих — он улыба-е-т-ся, он «светится», у него все, за что он берется, получается. Более того, ему так хочется, чтобы и другие были счастливыми. К сожалению, Л. Н. Толстой был не совсем прав, когда писал, что все счастливые семьи похожи друг на друга, потому что в счастье мы все разные.

И если говорить про семью, то счастливые семьи как раз счастливы своей непохожестью.

Если ни один из лугов,
Если ни один из прудов,
Если ни один из лесов,
Если ни одна из женщин —
Ее веселый взгляд,
Ее печальный взгляд,
Ее случайный взгляд, —
Если ни один из концертов
Для скрипки с оркестром
Или для рояля с оркестром
Не могут поднять меня
Над моей скудной жизнью,
Значит,
Я другой и не стою!

Александр Володин



ЗЛО



Даша Калмыгина 5 лет

Добрыми быть без науки — свойство детей.
Злыми быть без науки — свойство детей.
Копить зло без мудрости — беда зрелости.
Копить доброту и мудрость — счастье

зрелости.

Человечество созревает не скоро.
Оно еще обретет и мудрость, и счастье.

Хайнц Калау

Чего в мире больше: добра или зла? Конечно, добра. Добро побеждает зло. Это во всех сказках, чтобы маленький человек входил в эту жизнь и нравственно окреп. Чтобы его эмоциональная память — память сердца — помнила эту победу, верила и надеялась на нее. Все это так. И действительно, насильников и убийц значительно меньше, чем добропорядочных граждан. Но если рассматривать зло как отсутствие добра, отзывчивости, душевности, то тогда... Тогда я снова о грустном...

Известный английский режиссер Питер Брук несколько лет назад привозил в Москву спектакль «Вишневый сад». А там они (персонажи) ходят все вместе, разговаривают, спорят, торгуются, но НИКТО ДРУГ ДРУГУ НЕ НУЖЕН. Подумаешь, «человека забыли». Странно, если бы вспомнили... А «Вишневый сад» всего лишь декорация разрушаемого людьми дома.

Парадокс нашего общества: самое большое количество оскорблений в свой адрес человек слышит у себя дома, в своей семье. Попробуйте так назвать женщину на улице, как она позволяет называть себя дома. А мужчину назвать так на работе, как называют его дома. Кто-то обронил фразу: «В наше время чрезвычайно трудно дать хорошее воспитание детям: любой ценой они стремятся походить на своих родителей». Да, ребенок как зеркало, но самое главное, важное для меня, что он отражает любовь, ту, с которой он сталкивается в детстве в своем доме —

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Хамство-то нам на парашютах никто не забрасывал.

Василий Шукшин

любовь родителей. И это тот случай, когда ребенок не начинает первым любить. Если он видит, чувствует и получает, ему есть и будет что отдавать. Потому что нравственность, добро

требуют от человека больше, чем он может. Разрешение этого противоречия и делает человека другим — лучшим. А если отражать зло, холодность отношений, домашние скандалы? Что тогда ему отдавать? СТРАХ, который находит свое выражение в ЗЛЕ, И ЗЛО, которое выползло наружу, стало реально, ощутимо, повседневно.

Оно существует и в школе, на уроке. Кроме тех учителей, которыми гордится современная школа, можно выделить некоторые типы, которые, к сожалению, тоже «имеют место быть»:

«вздорный человек» — несдержанный, нетерпимый, возбужденный, крикливый, злорадный;

«придира» — бесконечно придирчивый по поводу и без повода, негодующий по пустякам, замечающий все плохое;

«стена» — отгороженный наглухо от всех учеников;

«импульсивный» — работающий по интуиции, не способный к тщательной кропотливой деятельности;

«само-собой» — «плывущий по течению» ситуации, не способный управлять и изменять, безразличный;

«себе на уме» — непредсказуемый, человек настроения, неоправданного действия;

«зануда» — надоедливый, однообразный, заменяющий урок монотонно читаемым правоучением; не урок, а инструкция, «как жить дальше», «в кого верить»;

«машина» — работающий в заданном режиме учебного плана, программы, не отражая конкретной ситуации, конкретных детей;

«вообще» — неспособный выделить главное в содержании, превращающий урок в разговоры ни о чем;

«обвинитель» — свехкритичный, ищущий в детях причины своих неудач, подозревая при этом каждого ученика, обожает запреты, но он всегда прав;

«вобла» — сухой, неэмоциональный, без личностного отношения к происходящему в классе;

«монумент» — самодовольный, недостижимый, все обо всем знающий, считающий себя последней инстанцией;

«я — сам» — единственный, кто является движущей силой учебного процесса, подменяет своей деятельностью деятельность учащихся;

«нытик» — постоянно обиженный, самобичующий, самоуничтожающий, завистлив, все свои неудачи, ошибки, обиды несет детям, лица у них сочувствия;

«приятель» — потерявший деловой контакт, «этаким душка»; ему все нравится, любая мелочь вызывает восторг, самодоволен, отсутствует глубина, реалистичность;

«маэстро и звезда эстрады» — демонстрируя себя, превращает урок в шоу, и как бы дарит себя аудитории;

И можно приводить другие типы учителей, можно привести еще достаточно объяснений, почему многие учителя не соответствуют этому званию.

Но, наверное, важнее ставить вопрос о желании и способности изменить себя, о педагогической организованности, о профессиональном знании теории личности и теории деятельности, о выявлении самостоятельного начала в образовании и формировании на этой основе опыта творческой деятельности учителя. И, конечно же, стремление быть счастливым, потому что чем больше счастья у человека, тем меньше у него зла. А пока...

На своем авторском семинаре по культуре общения провожу своеобразный урок — «Диктант». Только не мои слушатели его пишут, а я. Они лишь диктуют слова по принципу: «на что посмотрят, то и называют». А я их записываю на доске, делая умышленные ошибки там, где мне нравится, тоже без всякой системы. Итак, начнем.

Я записываю на доске слово «корова», а слушатели мне уже подбрасывают другие слова. В целом на доске получится так:

- | | | | |
|-------------|---------------|----------------|---------------------|
| 1. Карова | 6. Ужин | 11. Красота | 16. Триллер |
| 2. Крокодил | 7. Консервы | 12. Дитиктив | 17. Абразование |
| 3. Винягред | 8. Калбоса | 13. Таблица | 18. Ключик |
| 4. Зауч | 9. Любовь | 14. Абои | 19. Сикрет |
| 5. Директор | 10. Надюрморд | 15. Абъявление | 20. Видеомагнитофон |

В то время, когда я писал диктант, в аудитории было этакое разухабистое настроение от каждой обнаруженной в моих записях ошибки.

И после всего этого «пиршества безграмотности» я прошу кого-нибудь проверить и выставить оценку, при условии, что

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Лучше зажечь свечу,
Чем всю жизнь
проклинать темноту.
(Хорошо сказано)

/ 1. Карова	6. Ужин	11. Красота	16. Триллер
2. Крокодил	7. Консервы	// 12. Дитиктив	/ 17. Образование
// 3. Виндгрет	// 8. Калбуса	13. Таблица	18. Ключик
/ 4. Завуч	9. Любовь	/ 14. Кбои	19. Секрет
5. Директор	// 10. Надморд	// 15. Явление	20. Видеомагнитофон

15 ош. 1 (ед.)

В данном случае 15 ошибок. Естественно, все начинают советовать, что поставить. Некоторые предлагают «0», некоторые «5», но какие бы разные аудитории ни были у меня, все-таки «1» или даже «0» получаю. Я предлагаю найти варианты проверок, но, как правило, все соглашаются с данной. И тогда начинается разворачивание всего сюжета с самого начала, вернее, с того момента, как все мы — ученики (в данной ситуации) — сдали тетради для проверки.

Я позволю себе привести некоторые отрывки из стенограммы обсуждения.

— Как вы думаете, о чем дети разговаривают сразу же после диктанта на перемене?

— Кто как написал слова.

— То есть правильно я понял, что Я (ученик) подхожу к другим — хорошистам и отличникам, — а не к таким же, как я (зачем?), и спрашиваю, кто как написал: «Ты как написал — завуч или завуч?». — «Завуч». — «А дитиктив?» — «Детектив» и т. д.

— Скажите, пожалуйста, через 5 минут после окончания диктанта я примерно знаю свои ошибки? При этом, заметьте, как пишутся слова, мне объяснил не учитель, а мои сокашники.

— Да.

— Скажите, а какие у меня отношения складываются с этими «учителями»?

пять ошибок — это двойка. А потом выходит «учительница» и начинает проверять, зачеркивая, исправляя и считая ошибки. А вся аудитория подсказывает, помогает находить, спорит и не соглашается, как правильно писать.

— Плохие.

— Это мягко сказано. Они же насмеются, кривляются, издеваются надо мной. Они же больше меня знают и написали правильно. А я...

— Скажите, а какой это был урок по счету в этот день?

— Второй, третий.

— Есть ли у меня (ребенка) возможность получить после этого «успеха» на других уроках еще двойку?

— Да, и не одну.

— С каким настроением я ухожу из школы и прихожу домой?

— Грустным, печальным.

— Дома знают, что случилось, или нет? Думаю, что нет. Такие проверки могут быть неожиданны. Но мама всегда обо всем догадывается — она мама. Что она меня спрашивает?

— Тебя спрашивали?

— Нет.

— Была контрольная?

— Нет.

— А что случилось?

— Был диктант.

— Ну и что?

— Я не знаю. (А сам знаю, что «мне бы только день простоять, да ночь продержаться»).

— Я обедаю с аппетитом?

— Нет.

— Я с удовольствием иду на улицу, чтобы поиграть со своими друзьями из класса?

— Нет.

— Я готовлюсь к урокам на завтра?

— Нет.

— А что же я делаю?

— Ничего.

— А о чем я думаю? Конечно же, об учителе, причем, самое «приятное» для него. (Ну, там, чтоб она заболела, упала или на нее что-нибудь упало и т. д.). То есть вся «доброта», «отзывчивость», которая у меня есть, как бы поднимается наверх и вся отдается учителю.

— Ну и как я сплю ночью?

— Плохо.

- Мне утром хочется идти в школу?
- Нет.
- Но надо. И первый, с кем мне бы хотелось увидеться, чтобы убедиться, что «мои опасения» за его жизнь были напрасны, — учитель. Какой, кстати, его урок у нас по счету?
- Первый.
- Спасибо. Так долго ждать было бы (да, я беру прекрасный вариант, когда результат сообщают на следующий день).
- Скажите, я знаю, что он мне может поставить?
- Догадываетесь.
- Скажите, у меня есть хотя бы один шанс «выжить», то есть не получить ту «единицу» или «ноль», которые вы мне уже нарисовали в тетради?
- Вряд ли.

И все-таки я так рассчитываю на чудо. Ну, пожалуйста, сделайте что-нибудь, чтобы я выжил. Пожалуйста, не уничтожайте меня. Я очень хочу БЫТЬ.

— И начинается урок. И приходит учитель. И говорит:
 — Казанский (Иванов, Петров, Сидоров), как ты мог? Ты что, совсем не соображаешь? Сколько тебе объяснять надо? Бестолочь, почему ты не сразу схватываешь? Учишь вас учишь, и все без толку. В диктате из 20 слов — 15 ошибок.

- Карова у тебя через «А».
- (А я слышу — «дурак»).
- Зауч — завуч. Каждый день ходишь мимо его кабинета и не можешь запомнить, как правильно пишется.
- (А я слышу — «дурак» и здесь «дурак»).
- На тебе единицу.
- (А, помните, как вы мне «0» хотели поставить? Ну «ноль» я, полный «ноль»).
- Ты что, спишь на моих уроках? Ты что, букв не знаешь?

И т. д.

(И это все мне одному).

Да, еще:

— Ты что это голову опустил? Ну-ка, подними! В глаза смотри! Надо уметь отвечать за ошибки. На...

И он(а) отдает (бросает, швыряет) МОЮ тетрадь. И сразу же предлагает мне сделать работу над ошибками (я еще диктант не писал, а он уже запланировал следующий урок — работа над ошибками. Знал, что ошибусь, и ждал. А кому охота без работы

сидеть? А потом на классном часе он(а) будет нам рассказывать, как хорошо быть счастливым человеком, и что каждый человек должен быть «кузнецом своего счастья», что надо быть щедрым и милосердным).

А не пойти ли вам со своей работой над ошибками куда-нибудь очень-очень далеко

- Можно теперь я проверю по-другому? Скажите, «крокодил» — это трудное слово?
- Да.
- Очень или нет?
- Нет.
- Но все же. И тогда я подчеркиваю его два раза (оно же правильно написано?) — это означает молодец. А «директор»?

Тоже правильно. А слово сложное, это вам не «завуч». Три линии. Умница. «Ужин» — ничего слово, волнистой чертой. Хорошо. А «любовь»? А «Красота»? А «таблица»? А «триллер»? Это, вообще, замечательно!!! Но уж если «видеомагнитофон» написал правильно, то стоит жить.

1. Карова	6. <u>Ужин</u>	11. <u>Красота</u>	16. <u>Триллер</u> !!
2. <u>Крокодил</u>	7. Консервы	12. Диктиktiv	17. Абразование
3. Винигред	8. Калбоса	13. <u>Таблица</u>	18. <u>Ключик</u>
4. Зауч	9. <u>Любовь</u>	14. Абои	19. Секрет
5. <u>Директор</u>	10. Надюрморг	15. Абъявление	20. <u>Видеомагнитофон</u> !!!

Вы обратили внимание на ошибки. Да, нас учат замечать ошибки, и это у нас здорово получается. А достоинства? А успехи? Вы же все про меня (ученика) знаете: и мои отношения после диктанта с одноклассниками, и мое состояние дома, и как я ел, и как я спал, и сколько страха, сколько тревоги, сколько зла во мне обнаружилось, когда я думал о взрослом человеке, о своем учителе.

И тем не менее:

— СКАЖИТЕ, вам что приятнее: когда вам исправляют ваши ошибки, или когда вы это делаете сами? Как ни странно, сами.

Этот ученик уже некоторую часть своих ошибок знал? — Знал. Помните, кто ему их объяснил?..

А дальше идут частные методические приемы. Например, на доске написаны все эти слова учителя.

— Внимательно посмотрите в свои тетради и исправьте сами свои ошибки, если они у вас есть. А Казанский почему не работает? Открой свою тетрадь и начинай работать.

— Чего ее открывать? Я же знаю, что там.

— Открывай, открывай...

И я открываю тетрадь. А там... «ХОРОШО!», «УМНИЦА!», «МОЛОДЕЦ!», «ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!», «СТОИТ ЖИТЬ!».

— Это вы мне?

— Да, да, тебе, потому что ты мой ученик, а я твой учитель.

И для меня главное, чтобы ты вырос счастливым человеком. А это — просто твоя неудача. Но это ты. Поэтому очень внимательно проверь свой диктант и поставь себе оценку сам.

И я проверю и поставлю себе «кол», и буду кричать на весь класс, что я его себе поставлю, но не это главное. Главное, я люблю тебя, учитель! Я хочу быть с тобой! Давай что-нибудь еще вместе делать. А вы скажете: «Что ж ты хвастаешься своими неудачами? Не надо. Они твои. И никому о них не рассказывай».

И я бегу сломя голову домой и показываю маме тетрадь, и ничего моя мама не понимает, потому что она видит, что стоит единица (которую я сам себе поставил), а вся тетрадь разукрашена словами: «молодец», «замечательно» и т. д. И удивляется мама:

— Что это ваша учительница, заболела что ли?

— Нет, мама. Она просто верит в успех каждого из нас, потому что она любит, и она не кричит об этом, а помогает стать личностью.

Психологи выделяют у человека 5 уровней эмоций:

I. Злоба, обида, негодование (самозащита).

II. Боль, грусть, разочарование (проявление уязвимости).

III. Страх, беспокойство, чувство опасности (проявление одиночества).

IV. Раскаяние, сожаление, ответственность (понимание сути происходящего).

V. Любовь, понимание, признательность (принятие).

Так вот, надо подняться на «V этаж» эмоций, чтобы преодолеть все негативные проявления человека и сделать этот этаж домом, в котором ты живешь.

ВОПРОСЫ К САМОМУ СЕБЕ

1. С кем мне легко общаться? С кем трудно? (Что это за люди — их особенности?)

2. Какие мои качества помогают ошибаться? Какие мешают?

3. Кто из окружающих стимулирует мою ЖИЗНЕННУЮ АКТИВНОСТЬ, кто препятствует?

4. Кто из окружающих людей хотел бы видеть меня добрым, порядочным, счастливым? Что они для этого делают? Кто провоцирует меня на раздражительность, зло, грубость?

5. Дружеские связи? Конфликты? Чего у меня больше? Почему?

6. С кем у меня чаще всего происходят конфликты? Что это за люди? Их особенности? А если так: люди разные, а конфликты одинаковые? Почему?

7. Кому и как я могу доставить радость немедленно? А завтра?

8. Что значит для меня другой человек? Как он смотрит на мир? О чем он говорит? Что для него главное в жизни?

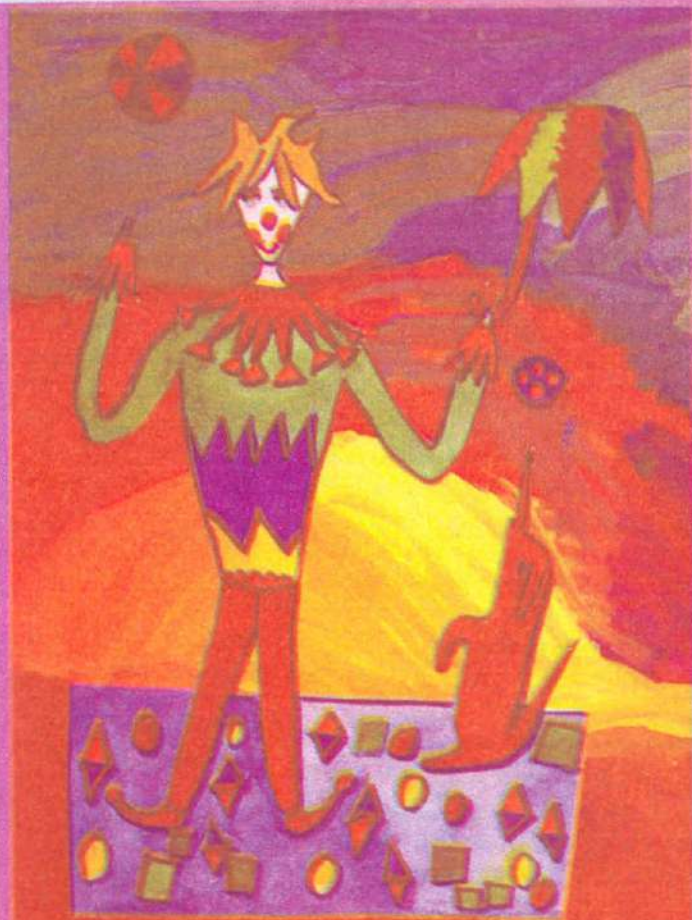
9. В большинстве случаев в межличностном общении я являюсь лидером (то есть предлагаю тему разговора, направляю беседу, выбираю, с кем общаться) или партнером (то есть в основном поддерживаю разговор, беседу, меня выбирают)?

10. Я иду на конфликтные отношения или чаще всего со мной конфликтуют?

Зло как отсутствие добра делает человека бездушным. Если в ЛЮБВИ человек ВЫХОДИТ ЗА ПРЕДЕЛЫ СЕБЯ, то в СТРАХЕ человек УХОДИТ В СЕБЯ. Если у человека нет общения с другими, то есть он несчастливый, то в отсутствие добра он ВЫХОДИТ ИЗ СЕБЯ. Если в ТВОРЧЕСТВЕ человек ОБРЕТАЕТ СВОЮ ЛИЧНОСТЬ — «Я», то в РАБСТВЕ он ТЕРЯЕТ СВОЕ «Я».



ТВОРЧЕСТВО



Ана Радбицка, 6 лет

ИЗМЕНЯЕТ
Посредственный учитель вдохновляет.
Хороший учитель объясняет.
Выдающийся учитель показывает.
Великий учитель вдохновляет.

Уильям Артур Уорд

...И когда человек любим и любит, тогда он находится в атмосфере счастья, а это вовсе не означает, что жизнь у него безоблачна. Но если есть такая доминанта у человека, он «вынужден» выходить на уровень творчества, самореализации. Любовь и счастье как две ступени космической ракеты, которые выводят его из суеты сует и поднимают над самим собою, превращая его в Творца, Создателя, Мастера. И совсем не важны масштабы его деятельности, радиус его действия. Важен масштаб его цели, тот самый результат, точнее, продукт, который будет жить своей жизнью.

Если понимать творчество как созидание нового, преобразование или реорганизацию имеющегося, то, прежде всего, надо овладеть самим собой. А для этого необходимо время. Надо «выделаться» в личность из того, что тебе уже дано — природой, семьей и т. д. Создать из себя!

Наверное, надо пережить неудачи, горести, провалы, одиночество. Надо пережить взлеты, покорения вершин, чтобы стать самим собой — Миром Собственного Имени. А для этого нужен риск, риск, риск. Не бояться быть непонятым, когда все

могут отвернуться или когда будут «душить в объятьях», сковывая руки, не давая ничего делать. Не бояться быть незамеченным или, наоборот, настолько замеченным, что из твоей жизни делают коллективное обсуждение и осуждение. Понимать, что все это относительно. А творчество — абсолютно. Тогда, когда есть любовь

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Кто хочет честно

рисовать,

Тот должен чем-то

рисковать.

Борис Заходер

и счастье, как ни странно, можно начать жизнь для себя, не оглядываясь на окружающих: «Что будет говорить княгиня...».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Если учиться, как делать, откроешь не себя, откроешь только умение делать. Годами работаешь, хочешь больше знать, больше уметь, а в конце концов, надо бросить все это и не учиться, а отучаться; знать, не как делать, а как не делать. И всегда становится перед необходимостью действовать, — рисковать полным провалом, провалом не в глазах других — это не так важно — но провалом упущенного дела, неудавшейся встречи с другим, а значит, неудавшейся встречи с самим собой.

Ежи Гротовский

Время крепнет рука, человек начинает понимать анатомическое строение тела, да и самого человека.

И настоящим педагогом, мне кажется, можно стать тоже после 40, когда появляется мудрость, терпимость, уступчивость, понимание другого как другого. Но самое грустное, что педагогу отпускается очень мало лет в этой жизни: К. Д. Ушинский жил всего 47 лет, А. С. Макаренко — 49, В. А. Сухомлинский — 52... «Сердце отдаю детям» — это не метафора, это физическая реальность... Для творчества нужна СВОБОДА от стереотипов, штампов, от чужих мыслей и проблем. СВОБОДА нужна для того, чтобы принять решение, взять на себя ОТВЕТСТВЕННОСТЬ и, в конце концов, состояться, то есть преобразовать себя и душу свою, чтобы человек мог ОБРАЗ-овать себя.

Свобода нужна для:

- само-деятельности;
- само-выражения;
- само-реализации.

Творчество начинается с определения целей. в повседневной жизни мы обычно целей не ставим. А если они и появляются, то откуда-то извне. Часто на уровне деклараций. Но все это чужие цели. Да нас, как правило, и не учат ставить цели, мы живем часто по наитию, в логике причинности, а не целесообразной

И можно позволить себе такую роскошь, как иметь автономную мораль: когда я сам выбираю и несу ответственность за свой выбор, результат, последствия в недалеком будущем. Обеспечить себя СВОИМ локусом контроля, которым являются честь, вина, совесть и т. д.

Не выпячивать себя, свою непохожесть, а создавать то единственное и индивидуальное, которое может стать всеобщим, независимо от тебя. Моцартом можно стать в 9 лет. Надей Рушевой в 15, а чтобы стать педагогом, нужно прожить достаточно. Великий Огюст Роден писал, что настоящим скульптором можно стать после 40 лет: к этому

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Повеса, празднслов,
Мальчишка толстогубый,
Как самого себя
Он смог преобороть?

Даниил Андреев

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

После того, как мы окончательно потеряли из виду цель, мы удвоили свои усилия.

Марк Твен

целенаправленность поведения.

I этап — ЦЕЛЕОБРАЗОВАНИЕ — человек ставит цели на основе своих потребностей и способностей. Он переводит внешние (заданные цели) во внутренние (личностные). Целеобразование — это определенное представление о продукте, результате деятельности. Смысл целеобразования — сориентировать наши действия на предметное содержание деятельности.

II этап — ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ — проектирование предстоящей деятельности, которая может быть связана с результатом передачи и усвоения знаний, умений, навыков; с организацией педагогической ситуации; исследованием педагогических процессов; с разработкой методических подходов и т. д. При этом важно не только, что надо делать, а для чего это надо делать. Целеполагание как проектирование предполагает новую организованность с разработкой ролей, норм поведения — взаимоотношений, принятием решений. Без такой организации работы очень сложно выходить на предметное содержание деятельности.

III этап — ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ — включает программу, выражает содержание, определяет способы и средства достижения цели и предполагает план, то есть регламентацию действий по поиску или преобразованию в конкретных условиях. Целесообразность устанавливает иерархию целей и осуществляет гармонизацию их между собой.

Все это приводит к целенаправленному поведению и деятельности.

деятельности. И полученный результат является, скорее, оправданием затраченного времени и сил. При этом и случайно полученный результат радует. Но все внутренние противоречия, как правило, сохраняются. Человек каким был, таким и остался. Постановка цели выявляет сущность личности, и опять же, масштаб ее деятельности.

Можно выделить несколько этапов постановки цели: целеобразование, целеполагание и целесообразность, которые выводят человека на

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Моя утвержденная причастность бытию не только пассивна (радость бытия), но, прежде всего, активна (долженствование реализовать мое единственное место).

Михаил Бахтин

Исследователи отобрали для четкого формулирования учебных целей следующие глаголы: актуализировать, анализировать, варьировать, видоизменять, выделять, высказывать, вычислять, демонстрировать, действовать, знать, интерпретировать, использовать, модифицировать, осознавать, оценивать, по-

нимать, предсказывать, преобразовывать, применять, реорганизовывать, создавать, упрощать.

Процесс формирования целей составляет основу педагогической технологии, предполагая, прежде всего, самоизменение, само-деятельность и изменение ситуации вокруг себя. Чего я хочу — лично? Чего я хочу — профессионально? Что я могу? Что для этого надо?

Рассматривая творчество как отношение к миру, можно выделить несколько типов личности:

ПОСРЕДСТВЕННЫЙ (АДАПТИРОВАННЫЙ) ЧЕЛОВЕК. — действует в согласии со средой («Мир задан»), в соответствии со средствами, которые общеприняты, одобрены окружающими и которые он более всего принял, усвоил. «Все, что сделано однажды, — уже не изменить». «Не тобой сделано — не тебе менять». «Зимой не пошут» и т. д., при этом творчество подменяется репродукцией, консервацией всего, что можно. Такой человек ориентирован только на повседневный успех и не больше. «Все, что ни делается...», «День прошел и...». Для учителя такого типа главное — это дисциплина и порядок, а он — образец последней инстанции. «Делай, как я!», «Вот когда я...», «Если бы ты слушал меня...».

При этом любые новации не принимаются — есть нормы, рамки и инструкции.

БУНТУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК — находит мир далеко не устроенным, не совершенным, поэтому все, что можно изменить, усовершенствовать, он перестраивает, внедряет новое. Он энтузиаст, оптимист — верит, что можно переделать мир.

ПАНЦИРЬ — человек, который, понимая несовершенство мира, не хочет, да и считает невозможным его изменить. Он уходит в себя, пассивно существуя, как бы замыкаясь в себе, своей скорлупе от мира, от людей, да и от самого себя.

КОММУНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ему не нравится мир (у него в нем нет Места, а искать его самому или определить его для себя он не может, да и не хочет — «виноград зелен», а поэтому для чего его доставать?), переделывать он его не собирается. Уйти в себя он не может (он «пустой», без содержания, в нем только эхо). Свободу он понимает как отказ — свобода от... Это человек «НЕТ». Он ничего не производит, он только потребляет. Но поразительно, как он занят — у него ни для чего и ни для кого нет времени. Его, якобы, разрывают на части (любимая игра — «Я всем нужен»). Самое главное для этого человека — выяснять отношения, спорить, доказывать, бороться с «врагами» (если их нет, он их выдумает). Он должен всегда быть в центре внимания, чтобы о нем говорили, при этом даже не важно что. Основа его отношений — конфликт. Причем на коммунальном уровне (зоценковский вариант: «Кто в мою кастрюлю с супом мыло бросил?» или вариант на уроке: «Как стоите, как сидите, вам что, неинтересно, что я говорю?» и т. д.).

АВТОР — создает СВОЙ мир. Он понимает, что мир не переделаешь, что правда, как говорил С. М. Эйзенштейн, все равно восторжествует, жаль только жизни не хватит.

Переделать мир... Да в этом нет и необходимости, реальной возможности. Мир — это большая система. И какой бы она у нас ни была, все-таки она Солнечная. Надо перестать смотреть на то, что тебя окружает, надо посмотреть на себя, определить свое место в мире и свою позицию. Ведь единственное, что я могу изменить — это самого себя. И я могу отделить себя от конкретной ситуации и создать свой мир — авторский — со своей свободой, самостоятельностью, ответственностью, неповторимостью. Причем создать его здесь и теперь. При этом учитель должен видеть перспективу своей деятельности, работая с ориентацией на будущее. И тогда — авторский мир («мир как школа»):

- это уникальность личности;
- это уникальность происхождения (здесь и теперь);
- это выражение сущности человека (самореализация).

И как любовь выводит человека за пределы самого себя навстречу другому «я», чтобы образовать «мы», так творчество выводит его за пределы себя, чтобы образовать «я».

И тогда человек занимается самосозиданием. Поэтому педагог — это мастер, прежде всего, по отношению к самому себе, то, что

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Быть культурным человеком — значит отличаться странной и опасной манерой всякий вопрос решать сначала (со своего личного начала), с самого себя.

Поль Валери

Ф. М. Достоевский определял как возможность «создать из самого себя художественное произведение». Но для этого надо обладать многоумием.

Доктор Ревеч, исследуя личность художника (творца, мастера, а для меня педагог — это то же самое), выделял свойства различной степени талантливости.

Степень талантливости	
I С предпосылками	1. Способность вживаться в природу. 2. Чувство гармонии и пропорций. 3. Техническое умение. 4. Правильный выбор средств выражения.
II Талантливый	1. Богатство переживаний. 2. Фантазия художника. 3. Оригинальность изображения. 4. Стремление к лучшему (оптимуму) 5. Постоянное развитие и обогащение художественных средств выражения.
III Гениальный	1. Постоянно растущая независимость творческой деятельности. 2. Непоколебимая вера в собственное призвание. 3. Создание собственного духовного мира. 4. Стремление к совершенству.

Рассматривая личность педагога как художника, мы можем согласиться со многими этими свойствами личности, как с необходимым, но главное то, что гению необходимо стремление к совершенству. Это невероятно! Это настолько естественно, ясно и понятно, потому что именно гений отличается от всех нас своей жесткой требовательностью к самому себе. Потому что он рассматривает себя как часть проблемы, которая им была сформулирована и требует своего разрешения.

Самосозидание как проявление творчества педагога предусматривает:

— **ЭКСТЕНСИВНОСТЬ ЗНАНИЙ**, то есть приобретение, расширение знаний — методологических, философских, куль-

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Если я не сделаю этого — кто сделает?

И если я не сделаю этого прямо сейчас,

То когда же мне это сделать?

Но если я сделаю это только для себя самого,

То кто я?

Живший около 2 тысяч лет тому назад мудрец Гиллель

турологических, психолого-педагогических и т. д., составляющих основу личности;

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ как систему социальных отношений и ценностей, способность занять и определить свою позицию;

— **КОРРЕКТИРОВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА**, преодоление узости профессионального (учительского) видения;

— **СПОСОБНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СВОЕ МЫШЛЕНИЕ ВО ВНУТРЕННЕМ**

МЫСЛЕННОМ ДИАЛОГЕ С САМИМ СОБОЙ (общение с собой как с другом);

— **СПОСОБНОСТЬ ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ СЕБЯ**, то есть соединить слух и мысль в одном фокусе, увидеть себя своими глазами, поместить «себя вовнутрь себя»;

— **СПОСОБНОСТЬ «ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ СЕБЯ»**, то есть от наработанных штампов, стереотипов, ложных самоиллюзий.

Мини-практикум «Зримые разговоры»:

1. Придумайте себе биографию:

С чего вы начнете размышления?

Что вас волнует прежде всего:

- ваши роли,
- ваши поступки,
- ваши качества личности,
- внешние события,
- внутреннее состояние и т. д.

2. Рассмотрите окружающих вас людей:

- сходства — различия;
- внешность (особенности);
- характер (несколько портретов);
- особенности поведения (движения, жесты) и т. д.

3. Вспомните лица своих знакомых, учеников — представьте их в непривычной обстановке. Подумайте, как они будут действовать, выглядеть (не рассуждая, представьте зрительно).

4. Ваш знакомый не живет, а играет роль:
— что это за роль?
— как он это делает?
— как говорит?
— как ходит?

А как на самом деле? — то есть выходя из своей роли, как он это же делает?

5. Перескажите материал урока несколько раз: повторяя, не повторяясь (не заштамповывая).

6. А как вы понимаете само-созидание (поразмышляйте с другими или сами с собой)?



РАБСТВО



Максим МЕТРАКОВ 6 лет.

На мой взгляд, есть три профессии, путь к которым не должен сопровождаться опытом унижений. Учитель, врач и художник. Приобретая опыт унижения, начнет истязать больных своих врач, будет не любить, ненавидеть их; то же произойдет с учителем, у него вовнутрь, в сознание, в физиологию, в психофизику войдет память созерцания мира с колен — и ученика поставит на колени; рабом станет художник. Вообще человек, прошедший школу унижения, — РАБ. Говорят: какая у меня была трудная жизнь, как я ей благодарен! Нельзя быть благодарным тому, что тебя унижает. Это вульгарно.

Александр Сокуров

Рабство... Тяжелое слово... Но человек, живущий в страхе, не отогретый теплотой любви и счастья, может превратиться в
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Черное

ищет белое

Чтобы убить в нем светлое

И превратить его в серое

Или полосатое.

Владимир Бурич

зависимого, покорного, посредственного человека. Это не плохой человек, не серый, простой обыкновенный. У него нет «мук творчества», переживания своей творческой несостоятельности и неполноценности, у него, как раз наоборот, «комплекс полноценности». Он не портит отношения с окружающими, не треплет свои нервы и не берedit душу. Он мало-душен и ему «не грозит» стать велико-душным. Он равно-душен, чтобы не сказать без-душен.

Единственное, что его беспокоит, чтобы его не трогали с места, которое он случайно занял, не выводили его из его состояния: «Оставьте меня в покое». Но это далеко не пассивный человек. Его активность — это активность толпы, таких же, как он, где главное — «ритуальный восторг»: «Мо-лод-цы!». Мы похожи друг на друга. Мы — это Мы, все остальные...

Вся деятельность ориентирована на одинаковый образ мыслей и действий, не допускающий никаких отклонений, — этакая линия усредненности. Ему нужен другой, не чтобы вырастать, определиться, выявить себя как некое Я, а расширить себя количественно. Мы — это нас несколько таких же. А несколько

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Подарили дураку море,
Он потрогал его, пощупал,
Обмакнул и лизнул палец,
Был соленым и горьким палец.
Тогда в море дурак плюнул.
Близко плюнул. Подальше плюнул.
Плывать в море всем интересно.
Дураку это даже лестно.
Но устал он. И скучно стало.
Сел дурак на песок устало.
Повернулся спиной к прибою.
Сам в лото играть сам с собою.
То выигрывает, то проигрывает.
На губной гармошке поигрывает.
Проиграет дурак море!
А зачем дураку море?

Юрий Левитанский

те, как он боится всяких проверок?). Он очень старательный, исполнительный, послушный. И это ничего, что такое старание чаще заканчивается страданием, ненужностью, одиночеством (это Светлана Михайловна из фильма «Доживем до понедельника». Мы чаще вспоминаем учителя Мельникова из этого фильма как незаурядную личность. А меня интересует именно Светлана Михайловна, потому что это страшно, и их достаточно в школе, в них-то и есть проблема образования).

А если рассматривать проблему посредственности с другой стороны, то это неприятие инакомыслящих, в школе — просто мыслящих учеников (упорная борьба с индивидуальностью), потому что для таких учителей умный тот, который говорит, как я. В песне поется: «... труднее спорить с высотой, еще труднее быть непримиримым». Да, трудно... Но надо! Нормальный ученик у такого учителя — это исполнительный, старательный, послушный, скромный. Такой же, как их учитель. Он конформист: что-то любит, что-то не любит.

— С кем ты?

— Со всеми.

М. Е. Салтыков-Щедрин замечает, что единым бывает только единомыслие.

— это всегда сила. И тогда метод «стадного давления» на другого, непохожего человека воплощается прекрасно. И...

Если говорить о таком учителе, то ему, как ни странно, нужны ошибки учеников. Тогда у него есть работа (вспомните диктанта: а если бы он был написан грамотно, то чем бы мы занимались?), причем много работы — он очень любит много работать (правда, все его усилия вкладываются в процесс: вовремя пришел, в классе порядок; главное, чтобы придрататься было не к чему. А результат? А результат для него...

Лучше о нем не говорить. Знаете, как он боится всяких проверок?). Он очень старательный, исполнительный, послушный. И это ничего, что такое старание чаще заканчивается страданием, ненужностью, одиночеством (это Светлана Михайловна из фильма «Доживем до понедельника». Мы чаще вспоминаем учителя Мельникова из этого фильма как незаурядную личность. А меня интересует именно Светлана Михайловна, потому что это страшно, и их достаточно в школе, в них-то и есть проблема образования).

И коллектив всегда главное, потому что он всегда прав. И позиция учителя — всегда позиция лидера во всем, везде. Но ведь коллектив — это многообразие личностей. Нет. Коллектив, по твердому убеждению посредственного учителя, создан для того, чтобы легче и проще управлять отдельными его членами, чтобы он работал на требования учителя (именно на требования), учащиеся лишней раз ощутили свою зависимость — «мы все зависим друг от друга». Свое «я» при этом учитель выставляет как идеал, норму человеческих отношений: «Ну, делай, как я, живи, как я». Активно навязывать свой образ жизни, свои (точнее, чужие, заимствованные) мысли, стереотипы деятельности — вот смысл работы такого учителя (этакое размножение себя).

Для таких людей очень трудно жить настоящим, да они и не могут, потому что, как правило, живут «вчера», но ожидая завтра, не понимая, что какие они сейчас, таким будет и их будущее. Будущее для них — это опасение, правда, не очень понятно, кого и чего. Поэтому они твердо верят, что все проблемы можно решить (причем, только положительно). Будет реформа школы! Будет новое оборудование! Будут другие дети! Будет новый человек! Все это из «Вот придет барин...» — этакое самоиллюзии — завтра будет лучше, поэтому сегодня (сейчас) надо или урвать, захватить, нахапать, или ждать, ждать... «у моря погоды». И ничего не делать, чтобы осуществить, приблизить, работать на перспективу: нет, только декларация. Особенность таких людей в способности не замечать проблем, точнее, все упрощать, бытующее псевдонародное мнение:

— Будь проще, Вася, и к тебе потянутся люди.

— А чего тут думать, размышлять, вы скажите, что вам нужно конкретно.

— Какие проблемы? Все вы усложняете, бросьте ваши «заморочки».

— Всю жизнь работал, получалось, а сейчас — видите ли... Что вам от меня надо? Оставьте меня в покое.

— Макаренко ваш на скрипке играл, картины маслом рисовал... Но мы не макаренки, мы работаем в школе, спин не разгибаем, а они учиться не хотят. Вот как их заставить? А ваши Сухомлинский, Шаталов, Амонашвили... Делом надо заниматься!».

Знаете, иногда от этого всего сердце сжимается и в горле комок, и не от излишней сентиментальности, а от бессилия:

«Я вот тоже ору —
а доказать ничего не умею!»

А может, и не надо ничего доказывать? Без таких людей тоже нельзя. Должна же быть и жизнь «в пределах»? Не знаю...

Проявление посредственности учителя:

1) отсутствие собственных целей — реализация только заданных извне;

2) недостаток коммуникативных, организаторских, дидактических и других педагогических умений;

3) стереотип восприятия, шаблонность мысли, ограниченный словарный запас;

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

«Земной шар вертится», —
говорит ученик
«Нет, Земной шар вертится», —
говорит учитель.
«Поля зеленеют» —
говорит ученик.
«Нет, поля зеленеют», —
говорит учитель.
«Дважды два — четыре», —
говорит ученик.
«Нет, дважды — четыре», —
поправляет его учитель.
Потому что учитель знает
все это лучше.

Мирослав Флориан

8) неадекватность самооценки;

9) отсутствие самоанализа как основы педагогического мастерства;

10) неразвитость вкуса;

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

Маленький человек
серый как понедельник
серый как серая мышь
на сером фоне
произвольно сортируемый
и складываемый
сбываемый в розницу и оптом
человек — винтик
один из множества
никому не нужных
одинаковых винтиков
в сущности
еще более лишний
гораздо более лишний
чем номер под которым
он записан

ВДРУГ
ВОСПЫЛАЛ
ВЕЛИКОЙ
ЛЮБОВЬЮ.

Андрей Бурса

11) постоянное чувство неуверенности и страха (от ожидаемого вопроса, присутствия на уроке завуча, директора, инспектора и т. д.);

12) неприятие новаций;

13) отсутствие творческого поиска.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Хорошо быть домом
для единственного сердца
из которого не хочется уходить

Хорошо быть лестницей
для детей
которым хочется в хмурый день
дорасти до солнца

Хорошо быть дверью для всех
кто хочет войти
поскрипывать но открываться

И окном
в котором не гаснет свет
для всех кто думает —
поздно.

Вячеслав Куприянов

Итак, чтобы преобразовать человека, чтобы вырастить душу, необходима любовь как определенное его состояние и как отношение к нему. И только человек способен преобразовать другого. И поэтому каждый, кто влюблен, кто любит, то есть тот, для кого красота (именно красота) души другого человека является предметом внимания, наслаждения, заботы, «возделывания», хочет он того или нет, знает он об этом или даже не подозревает, осуществляет педагогическую деятельность. Поэтому для меня педагог — это тот, кто помогает мне стать другим — лучше и порядочнее того, каким я был до этого. И чтобы стать педагогом, я должен: *обрести себя* — стать самим собой, иметь свою позицию, привести в порядок самого себя и свою деятельность — стать порядочным;

ошутить себя — стать единым целым с другими людьми — стать счастливым;

выявить себя — определить свое отличие от других, свою «самость» — стать творческой личностью.

А можно и ничего с собой не делать:

быть таким, как все;

быть зависимым от всех;

быть холодным и твердым во всем и со всеми;
быть одиноким;

Так что выбор у человека небольшой.

С одной стороны, личность создает себя с помощью любви, счастья и творчества.

С другой, — личность оставляет себя в покое на границе своего пришествия в этот мир — незащищенная, агрессивная, зависимая.

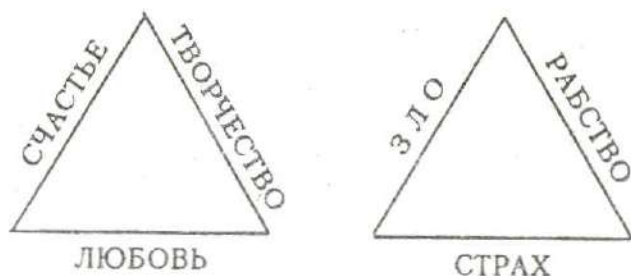


Рис. 1.

И поскольку школа должна воздействовать на человека, переделывать его, социализировать, то учитель выбирает себе роль идеала (Красота, Истина, Добро), образца (Любовь, Счастье, Творчество), то есть «последней инстанции». А ученику оставляет зависимость, послушание, исполнительность (Рабство), конфликтность (Зло), незащищенность (Страх).

И все усилия учителя тратятся на то, чтобы навязать свою любовь, облагородить своим счастьем, своей гармонией, вывести, в лучшем случае, на исполнительное творчество. И тогда вся работа учителя сводится к тому, чтобы подчинить, заставить, навязать, принудить — НАДО, ДОЛЖЕН, ОБЯЗАН.

Конечно, необходимы нормы, рамки, стандарты, дисциплина (кстати, у А. С. Макаренко дисциплина — это результат воспитания, а не начало...). И человек, особенно маленький, вынужден приспособливаться к учителю, к его требованиям, к послушанию, но лишь для порядка (Так надо. — Вам хочется? — Пожалуйста, я сделаю. — Каким надо быть? — Пожалуйста, я буду).

Этакая адаптация к ситуации. И тогда свою любовь учитель навязывает ученику вместо его страха. И своим счастьем пытается «облагородить его зло», а творчество ребенка свести к исполнительской деятельности. И ждет, когда с ним произойдет изменения, когда он станет «таким, как я хочу», потому что «я знаю, какой он должен быть...»

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

...И собрались мудрецы, и стали рассуждать: кто пойдет в баню — грязный или чистый.

И сказал философ: «Знаете, все относительно: может пойти грязный, а может и чистый».

И сказал математик: «Никто не пойдет, потому что плюс на минус дает в результате минус. Они поругаются, а еще хуже — подерутся. И все.»

И сказал логик: «Конечно, туда пойдет грязный, потому что баня — это то, что грязного человека делает чистым».

И сказал психолог: «Конечно, чистый, потому что у него есть потребности, мотивы, установки быть чистым».

И подошел педагог и сказал: «Они пойдут в баню вместе, причем чистый вымоет грязного».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ:

«Инкогнито к нам едет ревизор...»
Среди ребят, сидящих в первом классе, Не различит и самый острый взор,
Что может быть и Пушкин в этой массе.

Самуил Маршак

И нельзя чужим счастьем победить свое зло. И нельзя ждать, когда тебя облагородят своей любовью. Механизм ВОЗДЕЙСТВИЯ «учитель-ученик», как правило, не работает, да и не может работать. Можно искать и использовать различные методы, придумывать немыслимые формы организации деятель-

Но нельзя изменить человека. Это НЕ-ВОЗМОЖНО. Его можно заставить подчиниться, изменить себе, но не измениться. Да и бестактно это — лезть со своими представлениями в чужую жизнь. Ведь другой — это заповедник, его оберегать, сохранять надо.

И, как правило, рано или поздно такие педагогические эксперименты заканчиваются полным крахом. И опять слышу привычное: «Я столько им сил отдала, а они...», «Я всю душу вкладывал, и что?», «Куда я их только не водила и не возила — и смотрели, и обсуждали, и все зря». Да, «не загоняют в рай» насильно. Когда нет душевного контакта, общение между учителем и учеником выстраивается или как две параллельные прямые, которые никогда и нигде... или на пределе конфронтации.

ности, колеса педагогической машины будут прокручиваться на месте.

Мы забываем, что как бы ни была прекрасно устроена личность, там, где есть ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, ТВОРЧЕСТВО, — все равно (и это нормально) находится место и страху, и злу, и рабству. Потому-то и надо «выдавливаться» всем «из себя раба». И даже если они имеют малое место в человеке, но они есть. В человеке есть человек.

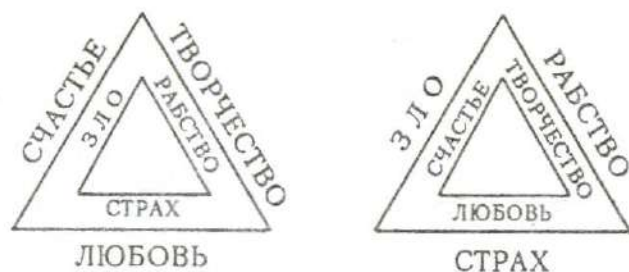


Рис. 2.

И в другом человеке при всем его страхе, озлобленности и рабстве есть место для любви, счастья и творчества, и это тоже нормально. Ведь все дети талантливы, вся их жизнь — творчество. Они и режиссеры, и танцоры, и певцы, и художники. Но, как дети, они зависимы, особенно когда приходят в школу. Для них это другая среда. Им говорят: «Это ты дома маме своей рисуй, а здесь ты будешь делать то, что тебе полагается». Вот и все творчество. А мы удивляемся — куда уходит детство? Никуда. Оно просто замораживается или превращается из моего личного «хочу» в безличное «надо».

Это дома взрослые и дети одна СЕМЬ-Я, и они могут быть все счастливы. А в классе — каждый сам за себя, а все...

«Ну-ка, посмотрите, как сидит Юлия, и сядьте так же». И все садятся... «Посмотрите, дети, какие у него грязные руки». Общий хохот, насмешки. Какое уж тут счастье. Хочешь — не хочешь, приходится быть злым на себя, на другого. Это в душе так хочется сказать «Мы!» и пытаешься обмануть себя: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». А в реальности чаще получается «Я». И ты ищешь другого, чтобы вырваться,

уйти из одиночества — «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

И тогда другой, которому ты нужен, который любит тебя, расширяет пространство ТВОЕЙ ЛЮБВИ, ТВОЕГО СЧАСТЬЯ и ТВОЕГО ТВОРЧЕСТВА, чтобы оно поглотило большую часть твоего страха, твоих конфликтов, твоей зависимости. И ты, оставаясь самим собой, преобразовываешься в другого — лучшего, человеческого. Но для этого у каждого Учителя существует своя методика — методика преобразования. И у каждого педагога — свои правила, свои принципы, свое представление о творчестве, педагогической деятельности.

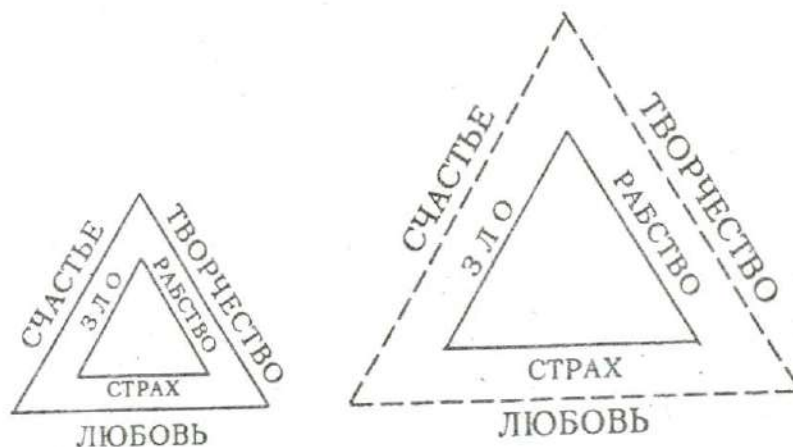


Рис. 3.

Несколько слов о том, почему взяты именно эти понятия: ЛЮБОВЬ-СТРАХ, СЧАСТЬЕ-ЗЛО, ТВОРЧЕСТВО-РАБСТВО. Да потому, что они все взаимосвязаны. Любовь рождает счастье, которое находит себя в творчестве, а страх порождает зло, которое приводит к рабству.

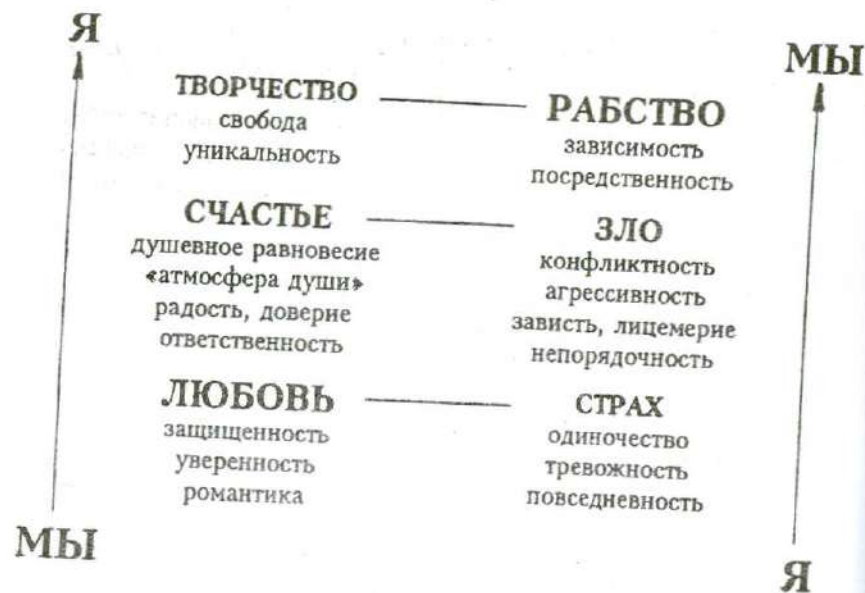
Итак, у человека:

чем больше любви, тем меньше страха;

чем больше счастья, тем меньше зла;

чем больше творчества, тем меньше рабства.

И это очень личное...



«Правила» любви

1. У каждого есть своя «территория», но пространство любви общее.
2. У каждого есть время для себя, но для любви необходимо все наше время.
3. У каждого есть свои «за» и «против», но мы принимаем друг друга без рассуждения.
4. Каждый имеет право сделать что-то не так, но вместе мы можем друг друга понять, не упрекая и не критикуя.
5. Каждый делает то, что у него лучше получается, но, помогая друг другу, мы обретаем себя. И не взаимозаменяя, а взаимодополняя.
6. Каждый свободен в своих поступках, и никто никого не держит, и даже если расстаемся, мы ответственны за свои действия.

Взаимодействие это:

1. **Взаимопонимание и поддержка.**
Я знаю, что все люди разные.

Я знаю, что все люди одинаковые.

Поэтому мы должны дать друг другу возможность быть разными и радоваться, что мы — люди, а значит, у нас может быть что-то общее. Общее — это то, что нас объединяет:

- время и место;
- содержание (совместное держание) урока;
- эмоциональные проявления;
- радость совместных переживаний;
- радость совместных открытий;
- огорчение от неудач;
- огорчение от отсутствия кого-нибудь на уроке и т. д.

Разное:

- состояние здоровья;
- настроение;
- потребности;
- интересы;
- способности;
- цели, задачи, способы решений;
- вкусы и т. д.

И не надо бояться учиться. Я учитель, и я помогу тебе учиться. Неудачи в учении неизбежны. Их никто не прогнозирует. Они возникают неожиданно. И без них не обойтись. Кстати, они позволяют узнать новое (то, чего не ожидал). Я, как учитель, постараюсь помочь тебе их предотвратить. Но все — это невозможно.

Первоначально неудача — это норма. Нормально. Если не было (или было мало) удач, поэтому откуда взяться неудачам? Просто это нормальное неумение, незнание, а совсем не неудача. Это расставание с прошлым. Учение — это всегда пересмотр того, что было, а значит, в чем-то изменение. И здесь незаменим учитель. Потому что мы вместе можем преодолеть то, что не получается, не решается. А вот в будущем надо будет заслужить право на неудачу. Но это завтра...

2. **Защищенность и ответственность.** На уроке каждый ощущает собственную необходимость — ответственность за себя и за другого. Но я ответствен за себя перед другим. А другой ответствен за себя передо мной. Здесь нет взаимозаменяемости. Каждый свободен. Ведь если есть свобода, значит, есть и ответственность. И у каждого есть свое место и множество

ролей, **своя деятельность** и общая эмоциональная поддержка. У каждого своя жизнь — совместная с другими.

3. Принцип «здесь и теперь» и перспективы отношений.

Урок — это часть жизни учителя и ученика. Именно в это время, в этом месте каждый имеет право на успех, на счастье, на творчество. И каждый урок посвящен конкретному ученику. И всем. Как стихи, как песни, как книги. **ПО-СВЯЩЕНИЕ**. Это умение жить: чувствовать себя счастливым в настоящем, которое является предложением прошлого и «репетицией» будущего.

4. **Игровое поведение**. Это умение жить в двух сферах: условной и действительной («двуплановое существование»). Игровое поведение как культурная норма позволяет быть свободным, раскованным, иметь власть над реальностью, распоряжаться собой, преодолевая ролевую зависимость, стремясь превзойти себя. Это праздник единственности. Здесь каждый сам по себе, но все вместе, и у каждого свой стиль, свои пристрастия. И каждый пытается найти свое место, чтобы состояться. Это особая атмосфера — «МАЖОР».

Уроки творчества

Уроки творчества — это попытка выйти на процесс собственного образования как «передачу культурных образцов и представления о мире» и формирования на этой основе опыта творческой деятельности.

Уроки творчества — это особый сюжет в рамках школы (подробно о них написано в предыдущей книге: «Игры в самих себя»), но для меня важно, чтобы, по возможности, каждый урок был организован как творческий процесс, независимо от учебного предмета — иностранный язык, история, химия, литература и т. д.

В содержании, в методах, в разворачиваемой деятельности находится место для:

МЫШЛЕНИЯ, что предполагает разрыв с привычными схемами, стереотипами, формирует культуру мышления и выводит на уровень понимания;

ФАНТАЗИИ, что предусматривает остранение (знакомое становится странным, непривычным), чтобы уйти от наработанных штампов видения, блокирующих путь к новым представлениям, развитие воображения;

ПОЭЗИИ, что предполагает слияние образа и смысла, поэтичность как внутреннее состояние человека, выход за рамки однозначности, развитие образного мышления;

ТЕАТРА, что предполагает синтез мысли, слова, чувств и действий, сценирование, формирование нового представления о пространстве и времени, развитие способностей к перевоплощению, преобразованию;

ОБЩЕНИЯ, что предполагает принятие новых ролей и изменение системы ценностных ориентации, формирование потребности в другом человеке.

Текут в поднебесье звездные реки.
Очень красиво... Это да!
Однако холодно быть человеком,
Если ты сам среди звезд не звезда.

Олег Григорьев

ПРИЛОЖЕНИЕ

Развитие педагогического творчества предполагает высокие требования к уровню культуры педагогического общения. Именно это определяет всю работу авторского семинара «Школа общения», который я провожу на протяжении уже более двух десятков лет в самых разных городах: Алма-Ате, Березниках, Владимире, Владивостоке, Гурзуфе, Липецке, Москве, Новосибирске, Павлодаре, Перми, Рязани, Туле, Целинограде, Усть-Каменогорске, Ялте и др.

Важно изменить нечто большее, чем ситуацию деятельности учителя и ученика, а именно: изменить сам характер наших мыслей и чувств, перестроить этическую концепцию между людьми, где главное место занимают доверие к личности свободной, с чувством собственного достоинства и внутренним своеобразием и ответственностью за все и всех. В приложении дается программа «Школы общения», чтобы обратить внимание на те моменты, которые, на мой взгляд, требуют размышления и обсуждения. В качестве эпиграфа к занятиям были взяты фрагменты стихов М. Цветаевой, как дань уважения к прекрасному поэту... А еще для меня любой хороший поэт — педагог. Именно он придает форму чувствам и мыслям, облагораживая других, «доходя до самой сути».

В приложении даются сценарии (композиции) двух спектаклей: «Контур» и «Как бы исповедь». Я включил их в книгу как воспоминание о целом поколении студентов, «взращенных» на них во время существования педагогического клуба «Точка зрения». Это было своеобразным «приглашением» к разговору о красоте, истине и добре...

ШКОЛА ОБЩЕНИЯ (авторский семинар для учителей)

День первый — МИР КАК ШКОЛА.
ШКОЛА КАК МИР.

Целому морю — нужно все небо,
Целому сердцу — нужен весь Бог.

Марина Цветаева

Социокультурная ситуация в народном образовании.
Школа как мир социума.
Школа как мир культуры.

День второй — УЧЕНИЕ КАК ТЕАТР.

Нет тайны у занавеси — от зала
(зала — жизнь, занавес — Я).

Марина Цветаева

Взаимосвязь. Взаимодействие. Взаимоотношение.
«Кто — Я» или «Очищение луковицы».
Роли, которые «играет» учитель.

День третий — УЧЕНИЕ КАК ЛЮБОВЬ.

Я Вас любила всю жизнь
и каждый день...
...Но в конце концов любить
и не говорить — разорваться...

Марина Цветаева

Любовь как смена состояний.
Любовь — счастье — творчество.
Правила любви.

У всех членов группы есть специальные тетради для руководителя. На первом занятии, когда они получают их, то подписывают так: «Для (фамилия, имя, отчество руководителя семинара)». В этих тетрадях участники выполняют задания, задают вопросы, в конце каждого занятия проводят анализ своей работы, а также работы группы. Это позволяет выявить отношение слушателей к содержательности собственной профессиональной деятельности. После занятия эти тетради сдаются руководителю, который письменно анализирует, направляет и корректирует работу каждого. Это помогает снимать излишние психологические барьеры, выводить на доверительный уровень общения, помогая, обсуждать разворачиваемую ситуацию.

Индивидуальное творческое начало учителя на данных занятиях превышает специальных знаний по предмету. Ценится раскованность, чувство собственного достоинства, способность отказываться от стереотипов, умение задавать вопросы и готовность переносить неудачи как нормальное состояние в обучении, потому что учиться всегда трудно. Именно для преодоления трудностей и существует учитель.

6. Стиль общения руководителя должен быть предельно доброжелательный, помогающий создавать атмосферу творчества, доверия, открытости, педагогического оптимизма и мажора.

И последнее... «Я черпал силы в оптимизме и уверенности в том, что делаю нужное дело» (П. П. Семенов-Тяньшанский).

Творчества Вам, радости педагогического общения!

КОНТУРЫ

Предисловие или Несколько фраз постановщика

Наша разобщенность может быть соединена поэзией.
Наша монотонность может быть разрушена музыкой.
Наша разговорчивость может быть заменена молчанием.

СТИХИ, МОЛЧАНИЕ, МУЗЫКА

Этот спектакль — своеобразный урок общения, где никто никого не учит — просто размышляет вслух. Это урок любви. Учить любви на уроке? — Да. Если урок понимать как «нечто поучительное, из чего можно сделать вывод для будущего». И не о знаниях идет речь, а о проявлении и представлении многообразия чувств: всепоглощающая любовь, одиночество, непонимание, уединение, нежность и т. д. — то, что определяет «радость совместных переживаний».

И создается композиция, где нет ролей, зато у всех участников спектакля определены места, и играют не текст, а настроение, играют отношение. А поэты (поэтому они и поэты), помогают каждому обрести свой голос: А. Богучаров, А. Вознесенский, Н. Коржавин, Ф. Лорка, Л. Павловская, Р. Рождественский, Т. Ружевич, В. Сонора, К. Сэндберг, Л. Хьюз, В. Шимборская, М. Цветаева, П. Элюар.

ПРОЛОГ,

**который можно не играть, но нам он необходим,
чтобы понять происходящее в спектакле,
потому что у нас есть только настоящее.**

Это спектакль о нас. О тебе и обо мне. Поэтому все должно быть как в жизни: просто, но интересно. Отношений нет. У нас их никогда не было — есть чуть намеченные КОНТУРЫ. Это как дождь, который никто не любит — мелкий, настойчивый, осенний. Хотя он может идти и в декабре. И тогда все времена года объединяются в нем.

Слова — наши нервы. Они должны извиваться, злиться, негодовать, отчуждать, когда мы с тобой говорим, у нас никогда не получается диалог. Только монолог. Все должны чувствовать это.

Одно из главных действующих лиц — гитара. И она хотела бы нас соединить — но ей это не удается. Мелодия изменяется, как настроение гитариста. Поэтому на каждом спектакле она другая, как и у нас с тобой (когда мы встречаемся). Есть 2 телефона — они молчат. Но весь спектакль — как длительный телефонный разговор, в котором каждый говорит о своем.

Занавеса не будет. Его у нас никогда не было, хотя так хотелось спрятаться за ним ото всех. Играть спектакль будут другие. Мы с тобой все сыграли. Черные березы на снегу.

Свечи под зеркалами освещают площадку. На ней много стульев. И хотя они пусты — это не наши места.

Это о том,
что могло бы быть,
если вообще могло бы быть...

Это о нас,
которые никогда не говорили
про себя —
МЫ...

Это о тебе,
потому что это — ТЫ,
А про тебя можно только думать.
Иногда кажется, что это все
не со мной,
не у меня,
не для меня,
Потому что со мной всегда все иначе...
Все слова, что услышат другие, —
это про любовь,
О которой мы с тобой
всегда молчали.

И вот
Как раз в ту минуту
Когда мы по горло сыты стихами...
Начинается старый дождь
(Как говорится внезапно)

Обыкновенный дождь
Текущий по листьям
И по стеклу
И нашей естественности остается все меньше
У некоторых по крайней мере из нас
Но и этого хватит
Вполне довольно.

И каждую ночь я считаю звезды,
И каждую ночь их ровно столько же,
А когда они не выходят на небо,
Я считаю дырки от звезд.

Если вместо звезд на небе дыры —
Бог не умер! Просто не любили...

С чем сравнишь
день
с ночью
с чем сравнишь
яблоко
с королевством
с чем сравнишь
тело
ночью
тишину
между ртами
между
с чем сравнишь глаз
руку во мраке
правую с левой
зубы язык губы
поцелуи
с чем сравнишь
бедро
волосы
пальцы руки
вдох
молчанье
поэзию

в свете дня
ночью.

Если тебя нет, я тебя создам,
Словно пламя в горле, словно серебро.
Одинок я слишком, слишком странен сам,
Ты — мой голос,
Если нет тебя, то я тебя создам.

Если нет тебя, я тебя создам,
Юноша, волна, гласный звук разлива.
Знание и незнание громко, по слогам,
Словно крик и выстрел, пусть звучит правдиво.

Если нет тебя, я тебя создам.
Если нет тебя, я тебя создам.
Если нет тебя, я тебя создам.

Одной стороной повернута я к людям, и хотя она затерта, захватана, искажена, она все же дает обо мне представление. Другая моя сторона, которая никому не известна, которая никогда не увидит света дневного, к которой при жизни моей и посмертно не прикоснется никто. Та, другая сторона, мне одной лишь знакома, прячется до поры, но потом проступает, и с ней встречаются люди, задумчивые люди, умиротворенные люди, потрясенные люди восклицают: «Откуда она взялась у нее?! Это все так на нее не похоже. Это совсем другой человек в знакомом обличье».

А я просто люблю. Я люблю тебя, слышишь?

Я пишу тебе по ночам, пишу письмо за письмом, которые никогда не дойдут до тебя. А вдруг в конце концов хоть одно из них дойдет. Я надеюсь на это, и мне достаточно этой надежды, поэтому я пишу.

А еще я пишу, чтобы поговорить с тобой, хоть ты и не слышишь меня, пишу, чтобы оказаться рядом с тобой, хотя мои руки не смогут коснуться тебя. Ночь прислушивается ко мне, сердце мое замирает и тоже вслушивается и, радуясь, бьется снова. Все мысли такие короткие, начнутся и сразу же кончатся, и нужно находить новые, предназначенные только тебе. Наверное, невозможно мыслить связно, длительно, пространно, когда думаешь о тебе.

Нам так хорошо друг с другом, и со всем, что нас окружает, что мы никогда не думаем друг о друге, а просто вместе живем в полном согласии, как левая с правой рукой. Ты спишь в моей душе, там, в глубине, а ночью просыпаешься, играешь моими снами.

Затворяю окно — снова в комнате я один. Наступает полночь и тишина опускается на все, что поставлено одно на другое, на разные этажи нагромождения жизни.

Смолкло пианино на третьем этаже...

Не слышны шаги на втором...

На первом стихло радио...

Все засыпают...

я один не сплю и сквозь дремоту вслушиваюсь, ожидаю, что прежде, чем уснуть, что-то будет, что-то будет...

Взглядом дал ты красоту мне
как свою, ее взяла я,
проглотила, как звезду.

И придуманным твореньем
стала я в глазах любимых.
Я танцую и порхаю,
сразу крылья обретая.

Стол как стол, вино — такое ж,
рюмкою осталась рюмка
на столе на настоящем.
Я же выдумана милым
вся, до самой сердцевины,
так что мне самой смешно.

С ним болтаю как попало
о влюбленных муравьишках
под созвездием гвоздики
и клянусь, что белой розе
петь приходится порой.

И смеюсь, склоняя шею,
так, как будто совершила
я открытие, и танцую,

вся светясь в обличье дивном,
в ослепительной мечте.

Ева — из ребра, Киприда —
из морской соленой пены,
и премудрая Минерва —
из главы отца богов, —
были все меня реальной.

Но когда ты взор отводишь,
отраженье на стене я
вновь ищу и вижу только
гвоздь, где тот висел портрет.

Я сказал тебе это для туч
Я сказал тебе это для дерева
на морском берегу
Я сказал для каждой волны
для птицы в листве
Для камешков шума
Для привычных ладоней
Для глаза который становится
целым лицом и пейзажем
И которому сон возвращает небеса
его цвета
Я сказал тебе это для выпитой ночи
Для решеток у края дорог
Для распахнутых окон для открытого
лба
Я сказал тебе это для мыслей твоих
и для слов
Потому что доверье и нежность не
умирают.

...У меня было слово,
дорогое слово,
синее, словно
небо в ручье...

я чего-то хотела,
но таила онемело...

...а солнце висело
у березы на плече...

...А ручей бежал в осень,
прямо в осень,
и сказал мне снег
о словах, что дороже всех:
если мы их вовремя не произносим,
то потом, как камень,
на сердце носим...

Не плачь, моя осень, так надо, так проще.
Ты слышишь, уже топорами по роце
Стучат злые зубы зимы.
Не мы виноваты, не мы.

Прощай, моя осень, ошибся Саврасов.
Не нам осуждать всех невинно совравших.
Давно улетели грачи.
А ты промолчи, промолчи.

Смирись, моя осень, спрячь душу нагую:
Ты вдруг ошибешься, случайно налгу я,
И кто-то, простившись, простит
Нам горечь невольных обид.

Прости, моя осень, круженье снежинкам,
Что пишет мороз приговор нам с нажимом
На свитках летящей пурги.
Прими все, пойми все, порви.

К стеклу прильнув лицом как скорбный страж
А подо мной внизу ночное небо
А на мою ладонь легли равнины
В неподвижности двойного горизонта
К стеклу прильнув лицом как скорбный страж

Ищу тебя за гранью ожидания
Я так тебя люблю что я уже не знаю
Кого из нас двоих здесь нет.

Мое неприбытие в город Н.
прошло по расписанию.

Ты был придурочен
неотправленной телеграммой.

Успел не явиться
в назначенное время.

Поезд пришел на третий путь.
Приехало много народу.

В толпе направлялось к выходу
отсутствие моей особы.

Несколько женщин поспешно
заметили меня в этой спешке.

К одной подбежал некто,
мне незнакомый,
но она узнала его
мгновенно.

Они поцеловались
не нашим поцелуем,
в это время украден
был не мой чемодан.

Вокзал города Н.
отлично сдал экзамен
по объективному существованию.

Целое оставалось на месте.
Частности совершались
согласно предназначению.

Даже состоялась
условленная встреча.

Увы, за пределами
нашего пребывания.

В потерянном раю
правдоподобия.

Где-то, но где?
Где-то, но где?
Ах, как звенят словечки.

Свет между тем подарил мне прекрасные негативы наших с тобою
встреч. Я тебя опознал в многочисленных существах, и само их
разнообразие мне позволяло давать им всегда одно имя, имя твое, и я
называл их, и преображал, как преображал я тебя среди белого дня,
как преображаешь воду ручья, ее набирая в стакан, как преображаешь
руку свою, ее сплетая с другою.

Женщина каждую ночь
Отправляется в тайный путь.

Путь молчания
От моих ладоней к твоим глазам.

И к твоим волосам
Где ивы-девчонки
Прислоняются к солнцу
И шепчутся тихо
И лепестки трепещущей тени
Подбираются к их разомлевшим сердцам.

Хочу тебя обнять и тебя обнимаю
Хочу покинуть тебя ты скучаешь
Но на пределе наших с тобою сил
Ты облакаешься в латы острее мечей.

Нет невозможно
Знать меня лучше чем ты.

В твои глаза мы падаем как в сон
С тобой вдвоем
Они меня огнями одарили
На зависть всем ночам.

В твои глаза пускаюсь я как в путь
Они дают движениям дорог
Свободу от земного притяженья.

В твоих глазах меняют облик свой
Все те кто открывает перед нами
Безмерность одиночества.

Нет невозможно
Знать тебя лучше чем я.

Отрывочно мы знали мир когда-то:
он был так мал — в рукопожатье уместить,
так прост, что описуем и улыбкой,
так ясен, как в молитве эхо давних правд.

Не нам история приберегла фанфары —
в глаза она швыряла сорный прах.
Отравленные ждали нас колодцы,
дороги без исхода, горький хлеб.

Нам воинский трофей — познание мира:
он так велик — в рукопожатие вместишь,
так сложен, что улыбкою опишешь,
так странен, как в молитве эхо давних правд.

Люблю, а тебе сказать не умею, немею
Все о чем-то ином размышляю, чтоб не понял никто.

Бывает, что и дрозду
Становится холодно.
И тогда он — всего лишь птица,
Которая ждет тепла.

И тогда он простой бродяга,
Неприкаянный и несчастный.

Потому что без песни
Пространство
Бесстрастно.

Песня,
которой не спеть,
спит на губах моих грустно.
Песня задумчивых губ и затуманенной влаги,
Песня забытых минут, что затерялись во мраке.
Песня звезды кочевой над незакатной зарей.

В те дни, когда мне жизнь была трудна
И стерегла в засаде злоба,
Явилась ты, как огонек радушный,
Чей луч зимою из окна
Ложится в темноте на белизну сугроба.

Твоя душа среди ночи равнодушной
Меня коснулась, бережно-легка,
Как теплая, спокойная рука.

Потом пришли и пониманье,
И нежность, и правдивость, и слиянье
Доверчиво протянутых ладоней
В тиши, когда звезда встает на небосклоне.

Уже растаял снег, уже июньский зной
И в нас и над землей,
Как пламя вечное, пылает
И наши помыслы огнями устилает,
И к небу рвущийся цветок,
Любовь, рожденная желаньем,
Пускает за ростком росток,
Не тронутая увяданьем, —
Но все мне помнится тот кроткий огонек,
Что тихо засиял во тьме моих дорог.

Не кричите, пожалуйста, не кричите! Друг
с другом можно разговаривать и шепотом.
Трепет души — это трепет пламени у свечи.
Вспоминаю твои руки, они образуют собор,
как у Родена.

У меня любимую украли,
Втолковали хитро ей свое.
И вериги долга и морали
Радостно надели на нее.

А она такая ж, как и прежде,
И ее теперь мне очень жаль.
Тяжело ей — нежной — в той одежде,
И зачем ей — чистой — та мораль.

Говорят, что любовь — это стремление в каждом
лице увидеть твое. Может быть это и так!
Последнее время все чаще ошибаюсь, глядя на
прохожих. Распили лицо ангела — половинка
досталась тебе...
Ты проходишь мною, как старым домом, я
шаги твои слышу.

До сих пор не научилась играть на пианино.
Смотрю на свои пальцы и ничего не могу
поделать с ними. Смешное отчаянье.

Еще не встреча, а начало.
Еще не будет ничего.
Еще мне надобно так мало
От сущего, от твоего.
Еще не станция Раздоры,
А тайна в имени твоём.
Еще с тобою разговоры
Ловлю сухим и жарким ртом.

Не опускай глаза —
боюсь, что будет хуже,
боюсь твоих ресниц,
а их бросает в дрожь.

Осенняя гроза
рассудок мой закружит,
перечеркнув всех лиц
правдивость или ложь.
Не оставляй уста
в молчании, в бессловесьи...
Гроза тогда близка,
когда не слышно птиц...
Нет, это не любовь...
Но думаю с любовью
я о лице твоём,
единственном из лиц.

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов — как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды —
Флейта
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И, может быть, вы бы даже меня любили...

Подари на прощанье мне билет
На поезд, идущий куда-нибудь
А мне все равно, куда и зачем,
Лишь бы отправиться в путь,
А мне все равно, куда и зачем, —
Лишь бы куда-нибудь.

Подари на прощанье мне несколько слов,
Несколько теплых фраз.
А все равно, какие они,
Лишь бы услышать их раз.
А мне все равно, какие они,
Это ж в последний раз.

Мне б не видеть ни глаз твоих, ни губ,
Не знать твоего лица,
А мне все равно, где Север, где Юг,
Ведь этому нет конца.
А мне все равно, где Север, где Юг,
Это ведь без конца.

Но если ты скажешь: «Нужна мне!
Вернись!», —
Поезд замедлит бег.
А мне все равно, что ждет впереди, —
Лишь бы услышать твой смех.
А мне все равно, что ждет впереди, —
Твой бы услышать смех.

Позабылись дожди,
Пора...
И вокзал обернется, —
пока!
На перроне озябшем
Пиши...
Мы с тобою не одни
Постой.

отдыхают ветра...
руки в бока, —
нет ни души...
на планете пустой.

Я тебя дожидался,
звал,
повторял,

терял!
терял!

И висела над нами, будто звезда,
беда.
Так уходят года.
Так дрожат у виска
века.
По тебе и по мне грохочет состав...
Оставь!
Это губы твои,

движение ресниц —
не снись!
На рассвете косом,
в оголтелой ночи
молчи.
Разомкни свои руки,
перекрести...
Прости!
И спокойно —
впервые за долгие дни —
усни.

Люб-
/Воздуха!
Воздуха!
Самую малость бы!
Самую-самую.../

лю! —
/Хочешь, уедем
куда-нибудь
заново,
замертво,
за море?../

Люб-
/Богово —
богу,

а женское
женщине
сказано
воздано/

лю! —
/Ты — покоренная.

Ты — непокорная.
Воздуха!
Воздуха!/

Люб-
/Руки разбросаны,

губы закушены,
волосы скомканы/

лю! —
/Охай, бесстрашная!

Падай, наивная
Смейся, бесстыжая!../

Люб-
/Пусть эти сумерки

станут проклятием
или ошибкою/

лю! —
/Бейся в руках моих

каждым изгибом
и каждую жилкою/

Люб-
/Радостно всхлипывай,

плач и выскальзывай,
вздрагивай,
жалуйся!../

лю! —
/Хочешь — уедем?

Сегодня?
Пожалуйста.
Завтра?
Пожалуйста.../

Люб-
/Только люби меня!

Слышишь,
люби меня!
Знаешь,
люби меня!/

лю! —
/Чтоб — навсегда!

Чтоб отсюда — до гибели!..
Вот оно...
Вот оно.../

Люб-
/Мы никогда,

никогда не расстанемся...
Воздуха...
Воздуха!../

лю!

Печалью, словно старой шалью,
Себя укутаю до ног.
Мне так хотелось этой ночью
Чтоб ты до ниточки продрог.

И с чего он ей написал:
«Я жить с тобой не могу?»
И с чего написала она ему:
«Я жить не могу без тебя?»

Раз он поехал на запад, она —
на восток,

И оба остались в живых.

Улицы были полны одеждой,
и она по своим делам спешила привычно.
Одни торопились, боясь опоздать на службу,
другие болтали,

по пути заходя в магазины одежды,
где толпилась одежда новейших фасонов...
...Я искал человека,
я знал, что он должен здесь где-нибудь быть —
то ли где-то в кармане жилета,
то ли где-нибудь там за одеждой,
к ней прищиплен при помощи скрепок.

Быстреесть / пить / читать / жить /
быстрее любить
дальше ехать спешить
больше быстрее говорить
быстрее уходить прощаться покидать
больше слушать видеть
глядеть трогать нюхать
глядеть обладать пробовать
обожать быть здесь и там
и где где еще
громче смеяться расталкивать
бежать дышать
Быстрее
больше
скорее дальше выше ниже глубже
скорее шире жить
есть пить спать
любить
жить дольше

С утра я тебя дождался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроили нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.

Ни словом унять, ни платком утереть...

Наверно, я не так на свете жил,
Не то хотел и не туда спешил.
А надо было просто жить и жить
И никуда особо не спешить.
Ведь от любой несбывшейся мечты
Зияет в сердце полость пустоты.

Я так любил. Я так тебя берег.
И так ничем тебе помочь не мог.
Затем, что просто не хватало сил.
Затем, что я не так на свете жил.
Я жил не так. А так бы я живи, —
Ты б ничего не знала о любви.

Любимая чтобы мои обозначить желанья
В небесах своих слов рот свой зажги как звезду
Твой поцелуй в живой ночи
Борозды меня обвивающих рук
Победное пламя во мраке
Виденья мои
Светлы непрерывны

А если нет тебя со мной
Мне снится что я сплю и что мне снится.

Наступает рассвет я люблю тебя в жилах моих

еще ночь

Я всю ночь смотрел на тебя
Мне так много еще предстоит угадать
Я в спасительность сумрака верю
Он вручает мне власть
Окутать любовью тебя
Разжечь в тебе жажду

Жить в глубинах моей неподвижности
Твою сущность раскрыть
Избавленье тебе принести и тебя потерять
Днем невидимо пламя.

Ты уйдешь и откроются двери в рассвет
Ты уйдешь и откроются двери в меня.

Вот и кончилась интермедия.
Акт последний пора начать.
Проводили тебя, как и встретили, —
Поцелуем... Чего ж кричать!

Обижаться, пожалуй, не следует,
на оборванный мой зачин.
Ведь и жизнь — «продолжение следует»,
только нам не узнать зачем?

КАК БЫ ИСПОВЕДЬ... (Амедео Модильяни)

Несколько фраз, необходимых постановщику.

О красоте можно говорить только красотой. Язык изобразительного искусства (как любой язык искусства) непереволим ни на какой другой.

Но «проба на сращивание» (Г. Козинцев) языка живописи, музыки и поэзии очевидна. И тогда появляются совершенно новые представления. Новое — всегда странное, необычное. И здесь первоначально сопротивление стереотипов. Наши штампы восприятия настолько прочно отстаивают свое прошлое, что пробиться другому очень трудно. Чужое первоначально оглушает, раздражает, обескураживает, вызывает насмешки. Да, как тяжелы мы на подъем, как инертны.

Но пронзительность любви Модильяни заставляет встать, чтобы увидеть такую красоту и изящество человека, что требуется пересмотреть все свое наработанное видение. Он остается с тобой сразу же и надолго. Для кого — как откровение. Для кого — как раздражение. Но — это Модильяни.

Художник одинок. Но это одиночество творца. Какое это мужество — быть непохожим! И жизнь прожить так, как может прожить художник — сжигая себя творчеством, счастьем, любовью.

Главное в спектакле — слайды, на которых репродукции Модильяни. Слайды — это анахронизм видеотехники сегодняшнего дня. Но именно они должны восстановить эпоху движущихся картинок. И вся стена становится холстом — необычным, завораживающим и нереальным. Репродукций много — они выстроены сюжетно, как разворачиваемая жизнь. Постепенно создается реальность бытия мира художника, где есть место его затаенной тоске, смирившейся скорби, трепетности, искренности и поэтичности. И как рефрен проходят портреты Жанны Эбютери, которую, в конце концов, он обрел, «не захотевшей пережить разлуку с ним».

Тексты — не иллюстрации и не комментарии к изображению. Они ищут отклика у зрителя, как внутренний голос художника. Для этого мне понадобились письма Модильяни, воспоминания А. Ахматовой, И. Эренбурга, стихи его любимого Ш. Бодлера, Г. Аполлинера,

монография В. Виленкина, исповедь Августина Аврелия и другие материалы.

И еще — должно звучать много музыки. Много хорошей музыки. Это может быть Мишель Жарр.

Ты сидел на низенькой лестнице,
Модильяни.
Крики твои — буревестника,
Улыбки — обезьяны.
А масляный свет приспущенной лампы,
А жарких волос синева!..
И вдруг я услышал страшного Данта —
загудели, расплескались темные слова.
Ты бросил книгу,
Ты падал и прыгал,
Ты прыгал по зале,
И летящие свечи тебя пленали.
О безумец без имени!
Ты кричал: «Я могу! Я могу!»
И четкие черные пинни
Вырастали в горящем мозгу.
Великая тварь —
Ты вышел, заплакал и лег под фонарь.

Ночью такие звезды!
Любимые, покинутые, счастливые, разлюбившие
На синей площади руками ловят воздух,
Шарят в комнате, на подушке теплой ищут.
Кого? Его ль? Себя? Или только второго человека?
Так ищут! Так плачут! Так просят!
И от стоустого жаркого ветра
Кольшутся звездные рощи.
Звезды опустились, под рукой зашелестели
И вновь цветут — не здесь, а там!.. Прости!

Не мучай!

Звезд у бога много — целый светлый рай, а ты
на свете, обожди, не умирай! А когда умрешь все же
и станешь звездой в раю, ты так скажи господу:
«Боже, исполни просьбу мою!»

Он исполнит, и ты вернешься ко мне назад
рубашке длинной, длиной до пят.
Я буду в твоей комнате тогда и, глядя в небо, скажу:
«Упала звезда!..»

Если кто-нибудь после смерти моей пожелает
Написать мою биографию — это будет весьма несложно.
Имеется две основные даты — рождения моего и смерти.
Между этими датами — все дела мои и все дни мои
остальные.

Описать меня — дело простое.
Мир разглядывал пристально — как одержимый.
Все сущее любил любовью отнюдь не сентиментальной.
Не имел желаний, которые не осуществимы —
не обольщался.

«Слышать» было для меня всегда дополнением
к «видеть».

Я понял, что все на свете реально
И все вещи друг с другом не схожи:
Я не разумом это понял — понял глазами,
А иначе я бы не видел различий меж ними.
Однажды мне захотелось спать — как ребенку.
Я закрыл глаза и уснул спокойно.
Кроме того, я был поэтом Природы,
Единственным в своем роде.

До чего же не просто оставаться самим собой
И видеть лишь то, что видно, — не более того!
Несомненно, есть любящие бесконечность,
Несомненно, есть желающие невозможного,
Несомненно, есть ничего не желающие, —
Три типа идеалистов, я к ним не принадлежу,
Потому что бесконечно люблю конечное,
Потому что до невозможности желаю возможного,
Потому что хочу всего и еще немножко,
Если так бывает и даже если так не бывает...

Милый друг, пишу Тебе, чтобы передохнуть и чтобы оправдаться перед самим собой.

Приступы напряженнейшей энергии охватывают меня целиком, но потом проходят.

А мне бы хотелось, чтобы жизнь моя растекалась по земле бурным радостным потоком. Тебе ведь можно сказать все: что-то плодоносное зарождается во мне и требует от меня усилий. Я в смятении, но это смятение, которое предшествует радости и за которым последует головокружительная непрерывная духовная деятельность.

Сейчас, когда я пишу Тебе, я уже убежден в том, что это смятение необходимо. Я выйду из него с новыми силами, с еще неизведанной ясностью цели — и в бой, в сражение, в опасность.

Скажу тебе, каким оружием я собираюсь защищаться в бою. Сегодня меня обидел один мещанин: он сказал, что я ленив, что у меня ленивые мозги. Это мне полезно. Мне бы каждое утро, просыпаясь, получать такие предостережения. Но нас эти мещане никогда не поймут, они не могут понять жизнь.

А там, где ясно все, вам все б казалось тошным,
Повсюду тень тоски в стране, где нет теней.
Покой и был, и есть, и будет благом ложным,
Бог милостив: мечты в пути тревожном
Достичь вам не дано — мы лишь стремимся к ней.
Мир, где царит мечта, — загадочен и зыбок,
К великим истинам ведет тропа ошибок.
В глубинах времени и ясности в обход
Душа свое богатство создает
И миру чистоту любовью возвращает.
Невидимый огонь вам сердце согревает,
Безмолвие — родник, откуда слово бьет.

Нагое тело — срам? С нагота души?
Кто вам ее простит? Поэт, запомни это:
Чтоб душу скрыть от глаз — все тряпки хороши,
Была бы лишь ничья стыдливость не задета.

Не умею ни лгать, ни приспособливаться. Человек, не способный усилием воли высвободить новые индивидуальности в себе, для постоянного самоутверждения, не способный разрушать старое, прогнившее — не достоин называться человеком. Это мещанин!

Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц Океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда.
Грубо кинут на палубу, жертва насилья,
Опозоренный царь высоты голубой,
Опустив исполинские белые крылья,
Он, как весла, их тяжело влачит за собой.
Лишь недавно прекрасный, взвивавшийся к тучам,
Стал таким он бессильным, нелепым, смешным!
Тот дымит ему в клюв табачищем вонючим,
Тот, глумясь, ковыляет вприпрыжку за ним.
Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани

Исполинские крылья мешают тебе.
Жизнь человека — это путь-дорога:
Все идет,
Вдаль идет...
А куда?
Жизнь человека — это сон всего лишь:
Промелькнет,
А догнать
Не догонишь!
Пустяк.
Пока силен,
Надо жить.
Буду жить!
Пустяк.
Пока силен,
То бреду,
То бегу,
Не сдаюсь!

И ведь не иначе, — подумаем, — не иначе, а так же, столь незаметно, неуловимо, неощутимо проходит вся жизнь. Никому не увидеть той ниточки, вьющейся и скрепляющей, сваривающей, сковывающей воедино все — темнеющие и светлеющие — точки, всех

встреченных людей, все места, все минуты, все поступки: малые, махонькие и большие. Хотя бы и очень стараться, очень прилежно, очень усердно. Не увидеть. Но можно догадываться, что она есть, эта ниточка. Догадываться, или чувствовать, или понять инстинктивно. И что она, ниточка эта, такова, какова жизнь. Извилистая, если жизнь извилистая, прямая, если жизнь прямая, правильная, если жизнь правильная, пьяная, если жизнь пьяная, вшивая, если жизнь вшивая, скотская, если жизнь скотская, изломанная, если жизнь изломанная, незыблемая, если незыблема судьба.

Жизнь человека — это путь-дорога:

То он там,
То он тут...

Беды гнут!

Жизнь человека словно тучка реет:

Выше чуть,

Ниже чуть...

Пустяк.

Сохрани меня, память грядущих людей!

Век, в который я жил, был концом королей.

Умирали в молчанье печальном они,

И величье венчало их скорбные дни.

Но с тех пор я узнал вкус и запах вселенной.

Я пьян, потому что вселенную выпил

На набережной, где я бродил и смотрел

На бегущие волны и спящие барки.

Слушай голос мой, слушай! Я глотка Парижа.

Завтра буду опять я вселенную пить.

Мою песнь-опьянения вселенского слушай!

И сентябрьская ночь подходила к концу.

Гасли в Сене огни, освещавшие мост.

День рождался среди умирающих звезд.

Под мостом Мирабо тихо Сена течет

и уносит нашу любовь...

Я должен помнить: печаль пройдет

и снова радость придет.

Будем стоять здесь рука в руке,

и под мостом наших рук

Утомленной от вечных взглядов реке

плыть и мерцать вдалеке.

Проходят сутки, недели, года...

они не вернутся назад.

И любовь не вернется... Течет вода

Под мостом Мирабо всегда.

Дорогой мой друг!

Моя мысль со всею нежностью обращается к Вам в канун этого Нового года; мне хотелось бы, чтобы он стал годом нашего морального примирения. Я отбрасываю в сторону всякую сентиментальность и хочу только одного, это — примирение, которое позволит мне от времени до времени видеть Вас. Я Вас слишком любила и я так страдаю, что умоляю Вас об этом, как о последней милости.

Я так больше не могу. Мне просто хотелось бы немножко меньше ненависти с Вашей стороны. Умоляю Вас, взгляните на меня по-доброму. Утешьте меня хоть чуть-чуть, я слишком несчастна, и мне нужна только частица привязанности, которая бы мне так помогла. Я сохраню к Вам всю ту нежность, которая у меня и должна быть к Вам.

Мы влюбляемся отнюдь не в какое-то определенное существо, волею случая оказавшееся перед нами в момент, когда мы испытывали эту необъяснимую потребность во встрече. Любовь наша блуждает в поисках существа, на котором сможет остановиться. Комедия уже готова в нас полностью; не хватает лишь актрисы, которая сыграет в ней главную роль. Она непременно появится, при этом облик ее сможет меняться. Как в театре, где роль, исполняемую сначала основным актером, могут впоследствии играть и дублеры, в жизни мужчины (или женщины) бывает так, что в роли любимого существа выступают один за другим неравноценные исполнители.

Женщина, чье лицо мы видим перед собой еще более постоянно, нежели свет, — ибо и с закрытыми глазами мы ни на миг не перестаем любоваться ее прекрасными глазами, ее прекрасным носом, делать все возможное, чтобы представить их, — мы хорошо знаем, что женщиной этой, такую же для нас единственной, могла бы оказаться другая, находишь мы не в том городе, где встретили ее, прогуливаясь мы в другом квартале. И, однако, перед нашими любящими глазами она остается цельной, неразрушимой и долго еще ее не сможет заменить никакая другая.

Увидеть — значит понять, оценить, преобразить, вообразить, забыть или забыться, жить или исчезнуть.

Женщинам, которых я не любил, я сказал, что они существуют постольку, поскольку есть ты.

Я упрямо мешаю свой вымысел с реальностью. Я закрываю глаза, чтобы вызвать условные краски и формы, и они мне позволяют тебя обрести. Мы решили с тобой не пускать к себе зрителей, ибо не было зрелища. Вспомни, одно одиночество было, и сцена пустая, без декорации, без актеров, без музыкантов. «Мы с тобой», не обмолвился я, ибо на всех рубежах наших долгих дорог, пройденных врозь и поодиночке, мы поистине были вдвоем теперь, я в этом уверен, мы поистине были мы. Ни ты и ни я не умели прибавить то время, которое нас разделяло, к тому времени, когда мы были вдвоем, ни ты и ни я не умели вычесть его.

Когда мы встречаемся, а встречаемся мы всякий раз навсегда, твой голос опять до краев наполняет глаза твои, точно эхо, когда до краев оно заливает вечернее небо.

Я никогда не считала себя одинокой, я сновидений не знала с той самой поры, как тебя увидела.

Я ж сделал тебя линией своею, чтоб навсегда с тобой в реальность обратиться. Не лица я вытягиваю — души, нарушив все ж стремлюсь к ассиметрии, а шеи женские все — руки балерин — я их не удлиняю — вижу так. Вокруг меня людей не счесть, но лица у них похожи на тарелки — пустые или немые тарелки, как будто это сборище какое нелепых белых масок, что давно забыли свои черты — на них покой и пошлость.

Рисунок мой был молчаливым разговором. Был диалог между моей судьбой, моей недолгой лирией и Вашей, всех тех, кому я дорог, кто изнутри меня узнает. Хотя Вы никогда не видели моих моделей. Поймите их тоску, мечту, страдания, боли, затаенную надежду, или презренье, или гордость, или вызов, или покорность. Обычно так уже никто ни с кем и не знакомит: уж очень как-то сразу и очень уж интимно. Но... даже в зеркале легко найти нам друга, который хоть не может говорить, не может потянуться и прикоснуться к тебе, но который может смотреть тебе в глаза и видеть такой же одинокий взгляд.

Часы б текли, и лишь глаза смотрели бы в глаза, а это так чудесно.

Один.

В самой мрачной глубин ночей —
один.

Вокруг него корчатся в горестном танце
серые обгорелые бабочки.

Один.

Глазами без зрачков напрасно он ищет
смысл, тень смысла,
чтобы выразить единственное в своем роде
присутствие самого себя.

В самой мрачной глубин ночей —
один.

Вытянул руку, а в нее не упала
даже нежная капля дождя, который бы мог
убаюкать бессонную душу.

Один.

Повернул лицо к ветру —

а это мутный поток наплывающей грязи,
нечто в беззвучном ожидании смерти,

натекающее

на иссушенные цветы его глаз.

Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная,
поздно полюбил я Тебя! Вот Ты был во мне, а я — был во внешнем и
там искал Тебя, в этот благообразный мир, Тобой созданный, влამывался я, безобразный! Со мной был Ты, с Тобой я не был. Вдали от
Тебя держал меня мир, которого бы не было, не будь он в Тебе. Ты
позвал, крикнул и прорвал глухоту мою; Ты сверкнул, засиял и
прогнал слепоту мою; Ты разлил благоухание свое, я вдохнул и
задыхаюсь без Тебя. Я отведал Тебя и Тебя алчу и жажду; Ты коснулся
меня, и я загорелся о мире Твоем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПЕДАГОГИКА КАК ЛЮБОВЬ

Что это? Что за удивительная жемчужина появилась в россыпи педагогической литературы: учебников, методик, пособий..., написанных в большинстве своем сухим «технологическим» языком? А здесь пламенный призыв, страстная проповедь, обращенная к Учителю! Педагогическая поэма в прозе.

Мы привыкли: «Педагогика как наука», «Педагогика как искусство». А «Педагогика как любовь»? Но с чего, позвольте спросить, начинается педагогика? С учебных планов и программ? С педагогических технологий? Простите, скучно это! Ведь учить может и машина, и чем дальше, тем лучше она это делает. А вот воспитывать, развивать может только человек. И воспитывает он либо человечешку, либо Человека с большой буквы. А для большой буквы нужна Большая любовь. Да, трижды прав автор: настоящая педагогика начинается с Любви! И кончается там, где кончается Любовь. А технологии (модное слово!)... — они только инструмент в руках Любви. Или не-любви. Ах, если бы всегда и повсюду — в семье, на улице, в школе, училище, институте, на заводе педагогика начиналась бы с Любви!

И с какой же любовью написана эта книга! Долгими, непростыми путями шел к ней автор. Была сельская школа в Сибири, была кандидатская диссертация, были блестящие лекции и спецкурсы, знаменитые молодежные клубы О. А. Казанского «Точка зрения» и «Восхождение» в Липецком педагогическом институте, где он работает. Был авторский семинар «Школа общения», проведенный по городам страны вплоть до Владивостока. И кинофильм. И книга «Игры в самих себя», мгновенно исчезнувшая с книжных прилавков.

И вот новый взлет! Это небольшой по объему книге суждена большая жизнь. Читается она буквально на одном дыхании, запоем. А потом еще и еще. А потом... можно читать, как верующий читает Библию — каждый день по страничке — для самоочищения. Перед тем, как идти в класс. Чтобы каждый раз за суетой, заботами, усталостью вспомнить, что идешь не просто провести очередной урок, а идешь, чтобы ДАТЬ ЧЕЛОВЕКУ ДОБРО, ИСТИНУ, КРАСОТУ.

А. НОВИКОВ
доктор педагогических наук,
член-корреспондент РАО

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо объяснения в Любви	4
Любовь	5
Страх как отсутствие Любви	37
Счастье	45
Зло как отсутствие добра	59
Творчество	71
Рабство как проявление посредственности	81
Преобразование личности	89
Приложение:	98
1. Школа общения	99
2. Контуры — композиция — уроки общения	103
3. Как бы исповедь	123
Послесловие	132

Казанский Олег Анатольевич

Педагогика как любовь

Российское педагогическое агентство

ISBN 5-86825-009-5

ЛР № 070883 от 01.03.1993 г.

Подписано в печать 20.03.96 г. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная.
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 5000. Заказ № 607.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Клинцовской городской типографии.
243100, Брянская обл., г. Клинцы, пер. Богунского полка, 4а.

Российское педагогическое Агентство предлагает семинар для преподавателей педагогических колледжей, учителей гимназий, лицеев, школ.

ШКОЛА ОБЩЕНИЯ

Занятия проводит один из ведущих специалистов по проблемам общения кандидат педагогических наук, доцент О. А. Казанский.

Всем, кто заинтересован в изменении системы педагогических отношений в сегодняшнем учебно-воспитательном процессе — наши занятия.

Что это значит? Это — оригинальные формы и методы:

- игровое моделирование ситуации;
- ввод в культуру общения различных людей;
- задания для уроков творчества: мышления, фантазии, поэзии, театра;
- конкурсные программы участников семинара;
- модели школьных уроков общения;
- разработка сценариев поведения в диапазоне ролей учителя.

Шесть дней работы семинара — это:

- мир как школа;
- дорога к самому себе;
- педагогика как любовь;
- типология «жизненных миров»;
- семь — Я;
- школа как мир.

Каждое занятие — это диалог, размышления, дискуссии, обсуждение, диагностика. Как:

- обрести себя;
- найти единомышленника;
- увидеть «несходство сходного»;
- уметь выйти из конфликта, а если необходимо и зайти в него;
- помочь себе и другим почувствовать себя и другого счастливым.

Телефон для справок: (095) 238-79-12

РОССИЙСКОЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
АГЕНТСТВО